

ISSN 0869—4788

ДЕКАБРЬ
ЮгРА

12 93

Линогравюра Г. Райшева

ЮГРА
№ 12 (26), декабрь 1993 г.

Издается с сентября 1991 г.
Выходит один раз в месяц.

Индекс 78716

Редактор
В.К.Белобородов

Адрес редакции: 626200,
г.Ханты-Мансийск,
ул. К. Маркса,14.
Телефон редакции: 4-12-25.

Журнал зарегистрирован регио-
нальной инспекцией по защите
свободы печати и массовой ин-
формации при Мининформпеча-
ти Российской Федерации.
Свидетельство № Е-0254.

Подписаться на журнал
можно с любого номера.

Сдано в набор 1.11.93 г.
Подписано к печати 17.11.93 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага
газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,8. Уч.изд.л.4,4.
Тираж 2000 экз.
Цена 24 руб.,
в розницу — свободная.

Оригинал-макет подготовлен
Ханты-Мансийской окружной
типографией.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть» управ-
ления печати и массовой инфор-
мации администрации Курганской
области. 641800, г.Шадринск,
ул.Спартака, 6.

Историко-культурный журнал
Учредитель — администрация Ханты-
Мансийского автономного округа.

В номере:

IV съезд ассоциации «Спасение Югры» . 2	
А. Тарасов. Поминки по Северу	3
В. Кулемзин. Человек—культура —природа	7
«Мифы тайги и тундры»	11
По страницам газеты «Парма»	15
В. Елфимов. Не по своей, но по доброй воле	16
Н. Крюкова. Орнамент и жизнь	20
Б. Чижов. Природопользованию — правовую основу	22
В. Назаров. Борть, цветы и мед	27
М. Яковлев. Пионер северного пчеловодства	28
Н. Калымов. Еще раз о камке (морде)	
Ю. Белоножка. Тобольские	30
члены и сотрудники ВЭО	31
А. Иванов. Элементы театральности в обрядах манси	33
А. Сургутсков. Реполово в 30-е годы .	39
Л. Мартынов. Детские грезы	41
Сказки кондинских манси	42
В. Шабуров. Табу (Белая тетрадь). Стихотворения	44
Н. Патрикеев. Разговор с родной землей	47
Т. Молданова. Хантыйские изделия из бисера	50
В. Плотников. На фоне больших кораблей (окончание)	52
Ю. Гордеев. Пуночка	57
Указатель статей, опубликованных в №1, 1991 — 12, 1992	60

IV съезд ассоциации «Спасение Югры»

26-27 октября в Ханты-Мансийске прошел очередной съезд ассоциации «Спасение Югры». Съезд подвел итоги более чем четырехлетней деятельности первого состава координационного совета.

Съезды ассоциации всегда собирают большое количество людей, поэтому его организаторами была продумана дополнительная программа, которая давала возможность делегатам и приглашенным, в особенности тем, кто приехал из «глубинок», получить максимум информации. Были организованы «круглый стол» «Северный фонд: современное состояние, перспективы развития», встречи с исполнительными директорами бюджетных и внебюджетных фондов А.Ф. Тархановой (экологический фонд), Л.И. Калашниковым (фермерский фонд), А.А. Ларман (фонд социальной защиты), Г.В. Тихоновым (фонд будущих поколений), А.П. Даньшиным (региональный отдел Госкомсевера).

Цель состояла в том, чтобы помочь людям сориентироваться в структурах этих фондов, чтобы новые нарождающиеся предприятия коренных народов могли использовать несколько источников кредитования, ориентировались в возможностях сотрудничества с данными фондами.

Непременной частью съезда всегда бывает культурная программа. Стало традицией устраивать выставки самодеятельных художников. На этот раз из поселка Ванзеват были привезены работы Артема Григорьевича Гришкина. Организована выставка «Казымский орнамент», в окружной библиотеке состоялась встреча с редактором журнала «Югра» В.К. Белобородовым, а в культурно-спортивном комплексе прошел заключительный вечер отдыха.

Первый день съезда был посвящен отчетному докладу президента ассоциации Т.С. Гоголевой и его обсуждению. В докладе, в частности, говорилось о том, что за эти годы ассоциация выполнила свою основную задачу — произошла консолидация народа, выросли новые люди. Это проявилось в том, что выборы председателей районных отделений ассоциации, а затем и президента происходили на альтернативной основе.

В докладе указывалось, что краеугольными направлениями в деятельности ассоциации явились создание правовых актов, защищающих интересы коренных народов, выработка механизма самоуправления, закрепление родовых, семейных и общинных угодий, борьба за землю. Последовательно и систематически велась работа по духовному возрождению народа, для чего все основные мероприятия организовывались и проводились в «глубинках».

На второй день съезд обсудил и принял программу деятельности ассоциации на 1993 — 1996 год и новый устав, выдвинул кандидатов в Федеральное Собрание, Тюменское законодательное собрание, окружной орган представительной власти.

Итогом съезда явилось также принятие ряда обращений: в Российскую налоговую инспекцию, в адрес Президента России, правительства, председателя Госкомсевера о финансировании программ по экономике и строительству коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа, отправлено письмо Президенту о Мансийском союзе. Ряд конкретных предложений направлен администрации округа, городов и районов.

На съезде был избран новый президент ассоциации — В.М. Молотков и новый координационный совет.

Т. Молданова

ПОМИНКИ ПО СЕВЕРУ

Алексей Тарасов

«Из 120 человек, учившихся со мной в интернате, лишь двое живы, — говорит звенкийский писатель Алитет Немтушкин, — кто застрелился, кого застрелили, кто-то утопился, кто утонул... Мы, коренные народы Севера, не вписываемся в современную цивилизацию, неконкурентоспособны, как лодочка-долбленка и моторный катер».

Смертность у коренных народов в несколько раз превышает показатель по России в целом, продолжительность жизни на 18 — 20 лет меньше, чем в среднем по стране. Целые народы уходят в «нижний мир», уходит в небытие их культура.

ПЫЛЬ В ГЛАЗ. Нынешний год, как известно, объявлен ООН годом коренных народов мира. Россия присоединилась к этой акции. Год на исходе, что он дал аборигенам? Множество съездов, конференций, симпозиумов и семинаров. Состоялся съезд руководителей ассоциаций малочисленных народов Севера. Комментируя его итоги, кремлевский чиновник сообщил прессе: съезд помог понять, что проблемы северян важны, что ими надо заниматься на серьезном уровне... Экое открытие! Недавно в Москве прошла международная конференция, посвященная проблемам малочисленных народов, не столь представительная, как ожидалось, не столь результативная, как хотелось бы. Были и другие мероприятия, в основном лишь констатировавшие известные и без того проблемы.

Известны не только беды, но и что нужно делать. Существует канадский, скандинавский опыт освоения северных земель, населенных коренными народами, решения их проблем. Есть немало рецептов, конкретных программ, необходимость осуществления которых очевидна. Но все идет, как прежде: в Москве неумно — судя по количеству официальных мероприятий — пекутся о судьбах народов Севера, а этническая катастрофа продолжается.

ЭТНИЧЕСКИЙ ЧЕРНОБЫЛЬ. Теряются не только национальное самосознание, экономика, самобытность народов Севера. Беда глубже. Подчеркну: речь об угрозе физического исчезновения народов. Безысходность, абсолютная социальная дезориентированность и незащищенность, кровосмесительные браки, поголовное, без выходных, пьянство (дороговизна авиаперевозок окупается разве что партиями спирта и водки, и в поселках ныне одни собаки лишь трезвые).

После знакомства с бытом некоторых поселений остается впечатление, что резервы исторической коллективной памяти, здоровья исчерпаны. Случается, что потомственные охотники и рыболовы просто не хотят работать. Ведь по несколько месяцев, по полгода нет зарплаты, нет лодок, лодочных моторов, запчастей, нет «Буранов». Не хватает бензина. Рыбачат на весельных лодках, также на веслах везут рыбу на далекие приемные пункты — за это время она портится. У совхозов нет денег, чтобы расплачиваться за пушнину, мясо, рыбу; товар уходит на сторону: за бутылку.

... 70 процентов мужчин кетов самого подходящего возраста не женаты. Массовое безбрачие — не только кетов, многих других северных народов — связано... с отсутствием оленей. Олень, как говорят сами аборигены, — это и

промысел, мясо и транспорт, одежда и обувь, это для них и язык, и культура. Катастрофическое сокращение поголовья оленей разрушает не только жизненный уклад, но и психологию, ценностные ориентации аборигенов.

Уничтожали оленей долго и весьма последовательно. В восьмидесятые, под руководством партии внедряя методику изгородного содержания оленей, городили в тайге металлические и капроновые сетки, нарушая при этом рекомендации ученых, строя бестолково и бессистемно. Газопровод Мессояха-Норильск нарушил пути миграции диких оленей. Они вытаптывали и выедали пастбища домашних оленей. Часть оленьих пастбищ выжжена газами Норильского комбината. Под кислотными дождями ягель не дает прироста, теряет внутреннюю структуру, превращается в кашу.

Что дал аборигенам их год? Что получили специалисты — этнографы, языковеды и пр. — ясно. Встречались с коллегами, летали на конференции, выезжали на «объект» — постоять под низким небом Заполярья, вдохнуть разреженного воздуха, выпить спирта, разведенного «по широте»... Не могу отделаться от мысли, что эти выездные семинары уж очень напоминают шумные поминки. Множество людей, хорошо и не очень знавших «покойного», говорят о его добрых качествах, о его неповторимости и ценности для мира...

«РЫНОК» В СЕВЕРНОМ ИСПОЛНЕНИИ. Неверно, на мой взгляд, вести речь о неконкурентоспособности только коренных народов. Весь Север, структура северного хозяйства мало приспособлены к рынку. Партия жестко регулировала жизнь на Севере, по команде караваны судов доставляли в отдаленные точки все необходимое для жизни: от иголки и муки до бензина и стройматериалов. Даже в военные годы добыча мяса, рыбы, пушнины обеспечивалась без сбоев. Но нет больше системы снабжения Севера через Госплан, Минторг, Госснаб, ударными темпами прошла кампания коммерциализации северных торговых предприятий. И что? Дети оленеводов Таймыра этим летом полтора месяца не видели куска хлеба.

Торговля действует совершенно естественно: ей просто невыгодно завозить под высокую кредитную ставку товары первой необходимости. И кто ей прикажет торговать себе в убыток? Между тем из-за транспортных расходов цены выросли неимоверно, зарплата же во многих районах и отраслях Севера ниже, чем на «материке». В маленьком поселке Хета на Таймыре, например, более 80 семей с доходом ниже 16 тысяч на человека. Когда последний раз выдавали зарплату, люди уже не помнят. Увеличивается на Севере новая категория жителей — пенсионеров, не имеющих возможности уехать. На торговом ассортименте и ценах эти реалии никак не сказываются. Северные регионы из-за дороговизны авиации оказались, по сути, в транспортной изоляции. Больных детей и стариков из тундры и тайги невозможно отправить в райцентр, в больницу.

Ясно: требуются концептуально новые подходы к решению северных проблем. На Таймыре и Чукотке не создать таких же рыночных механизмов, как в Подмосковье или, скажем, на Кубани. Рынок и Север пока несовместимы, без государственного протекционизма не обойтись. Об этом власти, конечно, не могут не знать. Северное хозяйство стало убыточным не сегодня, оно таким было всегда.

ОДНАКО ВОТ КАКАЯ ЗАГВОЗДКА. Местные нерентабельные производства, как и ничего не производящие поселки, требуют дотаций — зачастую лишь за то, что они ухитряются просто жить в таких суровых условиях. При этом звучат ссылки

на цивилизованные страны. Действительно, там Север дотируется, но, как считают некоторые российские специалисты, все дело в том, что в среднем в мире на аналогичных северных территориях живет в 10 раз меньше людей.

У Москвы нет столько денег, чтобы поддерживать северное хозяйство в полном объеме. Но тогда надо менять его структуру, эвакуировать часть людей. На это, видимо, тоже денег нет. Кроме того, даже далеко не все приезжие русские, украинцы, немцы согласятся вернуться на «материк». Возраст, здоровье, никто не ждет, нет сбережений... А что говорить о коренных народах? Им-то куда?

Кроме экономической стороны дела, есть, по-моему, и чисто человеческая, психологическая. Не входят ли рыночные ценности в противоречие с традиционным укладом аборигенов? Как соотносить с их аскетизмом, с одним из твердых устоев — брать от природы только необходимое для поддержания жизни, — рыночное мировоззрение, одним из столпов которого служит стремление к наибольшей прибыли? Большой суглан (съезд) эвенков России принял программу выживания, в основе которой курс на возрождение родовых кочевых общин. Это отнюдь не возвращение к пещерной экономике. Это восстановление родственных связей, это более приемлемый для эвенков способ ведения хозяйства, чем единоличная или колхозно-совхозная. Однако совхозы разваливаются, не оставляя наследства, оленей сородичам не хватает. Нужно брать кредиты. Но как копить деньги, чтобы расплачиваться? Не в традициях это аборигенов. Да и в общем-то нет отрасли, которой выгодно было бы заниматься сегодня на сибирском Севере. Дедовские промыслы нерентабельны, кроме разве что пушного, и то, если он не связан с дальними перелетами.

Социалистическое государство приручило и развратило исконно трудолюбивых аборигенов. Это особенно заметно при сравнении с живущими по соседству сибирскими староверами — им, пришедшим сюда несколько веков назад, удалось уберечься от приманок и ловушек внешнего мира.

На Аленских песках мне удалось встретиться со староверами — «часовенниками». Себя, пять семей, считают самыми северными в этом регионе старообрядцами. Традиции прадедов соблюдают. Детей учат сами. Пенсии, ваучеры не берут — «от ирода», ведь не заработанное. Единственное, что просят у начальства Верхнеимбатска, — землю для своего хозяйства. Не дают.

А хозяйство крепкое. Они и при Сталине выжили, и при рынке не пропадут.

Коренные же народы «дарованные блага» приняли. Вмешательство осуществлялось даже на физиологическом уровне — аборигенам пришлось изменить структуру питания, хотя организм их мало приспособлен к усвоению овощей, молока, сыра... Кочевников перевели на оседлый образ жизни, шаманов заменили на партиячейки, детей оторвали от родителей в интернаты. И никому не было дела до того, что маленькие кеты превосходно рисуют оленей, но не возьмутся рисовать Кремль, им с трудом дается изображение не свойственных природе фигур из учебников геометрии. В общем, всякие психологические «мелочи», национальную специфику в расчет не брали. К счастью загоняли непреклонно. Ну а сегодня? Как и при переводе северных народов от первобытно-общинного строя к социализму, так и при вхождении их в рынок нет научного обоснования, экспертных оценок.

Честны ли мы, говоря одновременно и о возрождении традиционного уклада аборигенов, и о рыночных отношениях в Заполярье? Не горькой ли насмешкой

звучит название симпозиума «Экологическая традиция аборигенов Севера — путь к выживанию человечества», если сами северные народы вымирают? Да, они дают прекрасный пример гармоничного сосуществования с природой. Ненка Любовь Ненянг рассказывала, что ее мать запрещала детям шляться по тундре во время кладки птицами яиц. Во время отела оленей, чтобы не испугать их, привязывали собак. В лодке, на реке, нельзя сквернословить. Землю нельзя ковырять, тем более чем-то железным, — ей больно, ее можно ранить... И многие другие принципы жизни, не отделяющей себя от всего сущего. Но что значат они на фоне деятельности Норильского комбината, сотнями тысяч гектаров губящего леса и олени пастбища?

Рыночная свобода — в нашем понимании — погубит окончательно эту землю...

ТЕРРИТОРИЯ БЕДЫ. Трубим о необходимости возврата аборигенов Севера к традиционным ценностям. Но понимая эту формулу иначе, нежели аборигены. Их отношение к ней, как и к созданию зон традиционного природопользования, далеко не однозначно. Трубим об организации национальных районов, поселков. Дело нужное, но, по свидетельству Тыганова, те же кеты не хотят числиться кетами, особенно молодежь, им не нужны никакие формы национального самоуправления. Они хотят жить в поселках русского типа и вести соответствующий образ жизни.

Как и кому определять грань между естественным сохранением национальных особенностей и искусственной изоляцией от мира? Где грань между помощью аборигенам и навязыванием чужих представлений о жизни?

И все же Россия может много сделать для аборигенов сибирского Севера. Принять пакет законов о правах этих народов, внести изменения и дополнения в федеральные законы о недропользовании, приватизации, земельной реформе. Передать в пожизненное владение с правом наследования родовые территории.

Однако главные беды для аборигенов — это общие для всего Севера, без национальных различий, экономические и экологические проблемы. Рай в отдельно взятой фактории не построить. И правильнее говорить о необходимости спасти весь Север, а не только коренные народы. В начале материала я приводил некоторые статистические факты, касающиеся исключительно малых народов. Но вот статистика смертности в Норильском промрайоне, где аборигены практически не живут. Показатель смертности в прошлом году повторил год 1956-й (5,4 на тысячу жителей). Для сравнения: в 87-м этот показатель равнялся 2,9. От всех умерших 68 процентов мужчин. Средний возраст их ухода из жизни 45 лет. Самый опасный возрастной отрезок 35 — 44 года.

Северное лицо российского рынка крайне непривлекательно. И сигналы бедствия с высоких широт пока остаются без ответа. Одни симпозиумы, семинары...

(«Известия»)

Человек — культура — природа

В. Кулемзин, этнограф, доктор
исторических наук.

Не странно ли: чем дальше в глубь веков уходит древность, тем больший интерес к ней проявляется. И дело не только в притягательности всего экзотического: здесь как раз более всего познавательного, полезного. Еще совсем недавно культуру (т.е. деятельность, способ организации жизни) традиционную мы представляли каким-то примитивным образованием, в котором отсутствовал более или менее строгий порядок. В далеком прошлом люди-де как-то строили жилище, как-то шили одежду и как-то добывали пропитание. Культуры предков хантов и манси не являются исключением.

Лишь достижения археологии и этнографии последних десятилетий несколько приблизили нас к пониманию того, насколько сложными являлись древние культуры. Именно эта сложность придавала им надежность, прочность и устойчивость: они существовали многие тысячелетия, не растворяясь в соседних. Как каждый человек имеет основание заявлять о себе как о неповторимости, так и любая культура имела черты общего и особенного. Теперь ясно, что любая древняя культура для любой индустриальной во многих отношениях является образцом для подражаний, хотя поведенческие особенности человека во все времена были и остаются одинаковыми. В любом традиционном обществе всегда имели место те противоречия, которые буквально раздирают наше современное: национальные, территориальные, противоречия биологического и социального, между обществом и природой и т.д. Изучение и анализ культуры предков хантов и манси показывают, каким образом эти противоречия снимались. Да, были выработаны надежные механизмы для снятия противоречий. Тайна любой культуры — это тайна действий механизмов, снимающих, смягчающих противоречия. Противоречия не накапливались, а снимались ежедневно, поэтому в обществе предков хантов и манси не возникали революционные ситуации, не было и революций, устраняющих противоречия лишь на некоторое время. А вот в культуре южных скотоводов-кочевников эти механизмы были слабы и действия их оказались недостаточными для того, чтобы исключить путь завоеваний и порабощений других народов. Именно по этой причине гунны пришли на территорию угров и те вынуждены были искать убежище в сибирской тайге. Точно так же на путь порабощения встали средневековые монголы.

Культура предков современных хантов и манси формировалась в основном в период с середины I тыс. до н.э. по середину I тыс. н.э. Основа этой культуры была местной, культура древних сибирских охотников. В середине I тыс. до н.э. на территорию Прииртышья и Приобья проникают племена угров — скотоводов-кочевников лесостепной части Западной Сибири и Казахстана. Здесь им пришлось

поменять коногонный кнут на охотничий лук. Пришельцы угры начинают смешиваться с местным населением: формируется новая, доселе неизвестная Сибири культура. Ее-то и постигают теперь отечественные и зарубежные ученые.

Основная функция любой культуры — обеспечить свое собственное воспроизводство: сделать так, чтобы завтра она функционировала как сегодня, а сегодня — как вчера. Вторая, не менее важная функция — сохранить баланс между воспроизводством культуры и воспроизводством природы.

Для того, чтобы выполнить столь непростые функции, нужно воспитать человека управляемым. Древние ханты и манси учитывают достижения местных племен и пришельцев. Они создают религию, мораль, так называемое обычное, т.е. доюридическое право. Все это вместе взятое служит единой цели — воспитать управляемого человека, ведь именно ему и предстоит воспроизводить культуру и сохранять баланс между существованием общества и природы. Формируются правила поведения человека по отношению к природе, другим членам своего и несвоего коллектива.

Уже древние охотники задолго до прихода угров поняли, что деятельность человека не является бесследной и что нужно сводить к минимуму нарушение экологического равновесия. Формируются первобытные нормы охотничьей этики, поведения человека в лесу, на реке, в обществе, дома: нельзя селиться близ заселенного дикими зверями места; нельзя в лесу кричать, громко разговаривать, нарушать покой лесных обитателей, ведь это такие же люди, они строят жилище, ловко обходят ловушки, но боятся огня, не признают бога и не умеют украшать себя; рыболовные запоры должны быть устроены таким образом, чтобы сквозь них проходила рыба молодью; растущие деревья нужно беречь, а в хозяйственных целях использовать сухостой. За соблюдением этих и других правил тщательно следит бог Торум и его помощники — духи: они-то и наказывают людей за нарушение неписаных законов.

В обществе люди должны помогать друг другу: поправить в случае необходимости рыболовную и звероловную ловушку совсем незнакомого человека; оставить для него в своем зимовье часть продуктов (ведь для тебя тоже кто-то где-то оставляет); почтительно относиться к более опытным и старшим; передать младшим свой опыт; не брать в жены женщину из своего рода; присутствовать на общественных религиозных церемониях; своевременно посещать и направлять просьбы родовым и семейным духам.

Существовала масса установок, регламентирующих отношения «человек — вещь». Сюда входили правила изготовления, наследования, дарения и пользования луком, подкой, лыжами, табакеркой, коробкой, игольницей, топором, простым ножом. Каждая вещь кроме практической, утилитарной функции имела множество символических. Лук — это символ, указывающий на твое основное занятие и принадлежность к мужскому полу. Символические функции столь же важны, сколь практические. На Югане, например, у пойманного на месте преступления человека, укравшего добычу из ловушки, обрезали лыжи его собственным ножом, который здесь же отнимали. Нож считался оскверненным, а виновный получал право на

изготовление нового ножа далеко не сразу и весь этот период должен был испытывать чувство позора. На Васюгане за такую же провинность виновный целый день должен был носить старый заплечный берестяной короб, набитый песком и глиной.

Другие вещи, шедшие на смену традиционным: огнестрельное оружие, металлические лодки, алюминиевые чашки, снегоходы сохраняли только утилитарные функции, так как они не изготавливались традиционно на месте из традиционного материала. Исчезли символические функции, которые и придают своеобразие культуре. Одна культура стала походить на другую (хантыйская на селькупскую), этому же способствовало забвение своего языка и распространение русского. А ведь хантыйский язык максимально приспособлен к охотничье-промысловой деятельности и имеет множество своеобразий. Названия, например, природных объектов отражают их характерную особенность. Ку-эмтор (букв. человек-озеро) — это озеро, по форме напоминающее человека, поэтому заблудившийся ориентировался легче, если оказывался на берегу этого озера. В языке татар-коневодов существует двенадцать терминов для обозначения масти лошадей и несколько терминов для обозначения глубины водоемов: самая мелкая — копыто с крыло и большая — конь плывет. Ханты всегда плавали в долбленной лодке, будь то глубоко или мелко, поэтому в их языке нет терминов для обозначений глубины. Это пример, показывающий, что национальный язык существенно помогает усвоению знаний, необходимых именно в данной культурной среде.

Сохранение языка, правил поведения в обществе, отношений к природе и вещам — это и есть путь к снятию накапливающихся противоречий. Возьмем более конкретно: исповедование перед духом, богом, инициация. Инициация — это обряд, означающий переведение, перевод человека из одной возрастной группы в другую, из одного социального статуса в другой. Мальчик, самостоятельно сделавший ловушку и добывший зверя, переводился в статус подростка и получал возможность обзаводиться семьей: с этого момента к нему предъявлялись иные требования и детские «шалости» уже не проходили для него бесследно, безнаказанно. В таком обществе, понятно, не возникало ситуаций, когда несовершеннолетний совершает насилие и существующий закон обнаруживает практически бессилие.

Замечено, что любое движение в защиту национальных культур начинается с экологических требований. Это понятно и объяснимо: каждая культура формировалась в определенных экологических условиях, и совершенно не случайно различные общества и ассоциации возрождения и сохранения культуры прежде всего ставят задачей ограничить бесконтрольное вторжение человека в окружающую среду. Возрождение традиционных верований оправдывается именно тем, что они деятельность человека ставят под контроль со стороны сверхъестественных сил. Мы совершенно ошибочно полагаем, что здоровая экологическая среда как воздух нужна только хантам и манси и что русское и прочее некоренное население в ней не нуждается. Работа международного экологического семинара-симпозиума (3—18 сентября с.г.), участником которого был автор данной статьи, показала, что

едва ли не единственным путем решения проблемы взаимодействия «человек — природа» является создание больших зон приоритетного природопользования, свободных от промышленного и индустриального освоения, в которых было бы поставлено под контроль использование моторизированной техники, а люди, занимающиеся охотой, собирательством, рыболовством, прочими традиционными видами промыслов, включая, конечно, народное творчество, обладали бы равными правами безотносительно к национальной принадлежности.

Изучение традиционной культуры хантов и манси, включая и работу практического семинара, организованного Институтом повышения квалификации (Ханты-Мансийск, 4—9 октября с.г.), со всей ясностью показывает, что средства контроля разрушительного воздействия человека на природу должны быть найдены не столько в поведении каждого человека в отдельности, сколько в культуре вообще.

Рис. П. Бахлыкова

«Мифы тайги и тундры»

Этнографическая выставка с таким названием работала нынешней осенью в Сургуте, в выставочном зале краеведческого музея. Во многом она была необычной: вместе с предметами материальной и духовной культуры народов Севера были представлены на обозрение полотна художников Геннадия Райшева и Сергея Лазарева; зритель был, к тому же, еще и слушателем, до него доносились северные мелодии, исполняемые на народных инструментах, звуковая картина северного ландшафта, да и сами экспонаты размещались не академически строго, а свободно, открыто, до них можно было даже дотронуться, что уже совершенно непривычно для посетителя.

Словом, выставка давала сильный эмоциональный заряд, и в этом ее особая ценность. Записи в книге отзывов позволяют уверенно говорить, что многие из тех, кто побывал в этом зале, впервые остро почувствовали, сколь богата и совершенна культура малочисленных северных народов, восприняли ее рассудком и душой.

Подкупает не только активная обращенность выставки «Мифы тайги и тундры» к зрителю, но и открытость ее инициаторов и главных организаторов — тобольских этнографов для сотрудничества с научными работниками местных музеев. Читатель сам почувствует это, познакомившись с публикуемыми размышлениями по поводу выставки заведующей сектором этнографии Тобольского государственного музея-заповедника Елены Валерьевны Переваловой и научного сотрудника Сургутского краеведческого музея Татьяны Александровны Исаевой. Разговор происходил в конце сентября.

Е.В.Перевалова. Организаторами выставки были Тобольское этнографическое бюро, Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник и Томский художественный музей. Идея появилась давно и вынашивалась долго. Мы хотели, чтобы выставка воплотила в себе как знания народов Севера, так и их творческое мастерство. Представленные на ней вещи, конечно, прежде всего отражают знания изготовившего их человека, но и в то же время они несут в себе и высокий духовный статус.

Выставка базируется на фондах нашего музея-заповедника, но мы хотим, чтобы, передвигаясь от одного северного города к другому, она пополнялась за счет коллекций музеев этих городов, чтобы предметы не лежали в хранилищах из-за тесноты музейных площадей, а выставлялись наряду с тобольскими. Позднее появилась идея некоторой перестройки экспозиций северных музеев. В частности, это запланировано в Салехарде, при участии Томского и нашего музея. В Томске очень хорошие художники, дизайнеры, опытные, сильные этнографы. То есть у нас достаточно большой опыт как организации выставок, экспозиций, так и комплектования коллекций, и мы сумеем помочь северянам. Мы бы хотели, чтобы эта выставка дала нашим коллегам некоторый импульс в их научной и фондовой, коллекционной работе.

Ну, а основная наша цель — познакомить людей, населяющих этот край, с той культурой, которая возникла здесь, на Севере, задолго до их появления. Начали мы с Сургута и выставку приурочили к Международному фольклорному фестивалю финно-угорских народов. Мы хотели, чтобы ее посмотрели не одни сургутяне, но и гости из других северных городов, и представители Запада, и сами хозяева, местные ханты.

Первые отзывы сургутских хантов были очень хорошие. Из богатой коллекции нашего музея мы взяли много материалов как сургутской группы хантов, так и южной, которая проживала по Иртышу и Конде и ассимилировалась русскими, частично сохранившись на Салыме — украшения, одежду, скульптуру, фольклор. И вот это сочетание в экспозиции вещей, которые сейчас невозможно уже найти в обиходе, и фольклорных материалов

вызвало у местных хантов большой интерес и большое уважение. Для их детей это настоящее открытие своей культуры. А населению, представляющему иные культуры, мы хотим показать насколько богата эта. Не каждый русский человек является носителем национальной культуры, а каждый ханты, манси еще является таковым. И мы хотим, чтобы люди, приезжающие и работающие здесь, те же нефтяники, увидели мощь этой культуры; ее духовное содержание и задумались над тем, что к чужой культуре надо относиться так же, как к своей. Многие и к своей культуре относятся не лучшим образом, потому что ее не знают. И вот наша цель ознакомить с культурой народов Севера всех, живущих на Севере.

А перспективы выставки таковы. Мы запланировали провести ее по северным городам, завязать новые знакомства, начать новую совместную работу. А потом поедem дальше. Уже есть заявки Томска, Омска, даже Санкт-Петербурга. Мы работаем совместно с журналом «Северные просторы», со следующего года в нем будет даваться информация о нашей выставке. Структурно выставка складывается из нескольких тематических блоков: рождение, детство, мужчина и женщина, культ родоначальников, уход. Это весь жизненный цикл, который проходит каждый человек. И мы решили в «Северных просторах» опубликовать серию научных статей по этим основным блокам. Первая статья — «Люлька» — уже написана А.В. Головневим и мной. Это понятие наполнено у хантов глубоким духовным смыслом, есть замечательные мифы о том, как первый человек, первое божество и первый медведь были спущены с неба верховным духом в золотой люльке.

В скором будущем выставка будет дополнена демонстрацией фильмов. Сургут уже закупил три фильма, снятые А.В. Головневим: о тундровых ненцах, лесных ненцах и исчезнувшем народе сихиртя. Во всех других городах, куда переедет выставка, эти три фильма обязательно будут демонстрироваться. Думаю, что выставка будет разрастаться и появятся какие-то дочерние направления. Ее инициатор, этнографическое бюро, уже несколько лет занимается организацией небольших музеев, такой музей был, например, создан в поселке Яр - Сале Ямало-Ненецкого округа на основе предметов, найденных при раскопках, и местного этнографического материала. Вот если бы еще было достаточно денег и побольше выставочных площадей.

Т.А.Исаева. Мы о такой выставке просили, потому что за счет собственных фондов не

Из проекта выставки

Идея выставки родилась в диалоге между ученым и художником. Для первого вещь — источник знания, для второго — способ самовыражения. Так и задумана выставка: она должна, с одной стороны, рассказывать о древних традициях обитателей тайги и тундры, с другой, — вызывать ощущение сопричастности с архаичным искусством, погружать зрителя в мир образов и верований северных народов.

В экспозиции сочетаются археолого-этнографические материалы и работы художников, исповедующих в своем творчестве мифологию. Каждая из мифологем объемно трактуется всеми видами материалов (в т. ч. фоноиллюстрациями). Композиция включает 7 мифологем: «Рождение» (человека, духа, культуры, мира), «Игра» (детская, взрослая, фольклорная), «Мужчина и женщина» (символы и атрибуты), «Боги» (святилища и культовые скульптуры), «Культурный герой» (Ича, Мирсусме-хум, Иомбо), «Медведь» (пращур — дух природы), «Шаман» (облачение, дорога духов). Основные мифологемы распределены по 3 с обеих сторон и сходятся в центре (противоположной от входа стене), где располагается 4-я композиция «Боги». Тем самым пространственное решение, как и числовая символика выставки,

в состоянии показать во всей полноте духовную культуру северных народов. Надо сказать, в Сургуте выставка показала, что население еще не вполне готово к восприятию таких выставок. Проще посмотреть ювелирные изделия, китайские вееры или даже картины, а эта выставка требует работы мысли. Некоторые посетители говорят, что не хватает пояснительных текстов, но, может быть, большого количества пояснений и не требуется — нужно просто внимательнее смотреть, не за 15 минут пробежать с экскурсоводом, а подольше постоять, попытаться постичь что-то самостоятельно. Мы этого и хотели, чтобы зритель был активным, чтобы происходила работа души.

Сейчас к нам пошли школьники и даже воспитанники детских садов. Ходят с широко раскрытыми глазами: «А это что? А это что?» Представленную здесь прошлую жизнь они воспринимают как сказку. Для старших школьников даем информацию посложнее, но им все это интересно, никто с этой выставки равнодушным не уходил. Привлекает и то, что она необычно построена, очень динамична, при желании здесь можно и передвинуть что-то, поставить по-другому, чем-то дополнить экспозицию или, наоборот, что-то убрать. Я считаю, в этом особая прелесть выставки.

Школьникам очень нравится. Взрослым в основном тоже нравится или хотя бы вызывает чувство удивления, недоумения. Я считаю, очень хорошо, что мы получили такую выставку, тем более, что, как я уже говорила, за счет своих фондов мы бы дать такую картину прошлого не смогли. Если бытовые вещи в нашей коллекции есть, то культовой скульптуры нет совершенно. И собрать ее теперь очень трудно, практически невозможно, в этом я сама убедилась во время экспедиций.

Е.В.Перевалова. Сложность еще в том, что необходимо правильно взять вещь во время экспедиционных работ, и здесь немаловажно проведение совместных экспедиций, во время которых можно сотрудников местных музеев научить, какая информация необходима к приобретенной вещи и как ее собрать. Ведь раньше ограничивались просто собиранием вещей, и от этого многие музеи — на одно лицо. А когда мы помещаем в выставку вещь с полным набором информации о ней — вот тогда она по-настоящему работает.

Т.А.Исаева. Мы благодарны Тобольскому музею и этнографическому бюро за хорошую выставку и за то, что сами могли в ней принять участие, представив из своих фондов некоторые громоздкие вещи, которые неудобно было бы везти из Тобольска. Мы

соответствует сакральным канонам самодийцев и обских угров. Последняя (переходная) композиция является не столько мифологемой, сколько символическим эскизом Потустороннего мира, где пребывают души предков, где жизнь течет «наоборот». Переходный план совмещен с археологическим разделом «Ушедшие в сопки».

Проникновению в самобытную, подчас парадоксальную, мифологию Севера способствует фоновое сопровождение выставки, состоящее из мелодий и песен Севера. Предполагается присутствие на выставке мастеров народного искусства, а также предоставление возможности посетителю «тронуть струны» нарас-юх или «оживить» бубен. Визуальное восприятие дополняется демонстрацией видео- и слайд-фильмов, посвященных традиционной культуре народов Севера.

Помимо непосредственного участия-присутствия художников, предполагается организация их передвижных мастерских, которые (по согласованию с мастерами) могут служить дополнительным, «живым», отделом экспозиции. Часть этих работ составит основу ассортимента коммерческого отдела выставки, в котором, кроме того, определено место для ремесленных изделий из бересты, кости, дерева, меха, кожи. Здесь же планируется выставка-продажа книг, журналов, открыток, плакатов, посвященных культурам народов Севера, мифологии, религии.

сами впервые смогли посмотреть, как выглядит в такой экспозиции та же нарта, которую в нашем музее просто некуда поставить из-за тесноты, как на нее реагируют посетители.

Выставка была для всех нас, с одной стороны, праздником, а с другой — работой мысли. В выставке участвовал томский художник Сергей Лазарев — как дизайнер и как автор картин, и вот благодаря тому, что здесь ему открылись мифы северных народов, он создал к следующей выставке, которая развернется в Ноябрьске, еще три полотна. Раньше я не представляла, что в стационарной экспозиции могут быть произведения абстрактного искусства, предполагались только традиционные этнографические зарисовки. А теперь я вижу это уже по-другому, потому что такие художественные решения заставляют думать. Мы смотрим, как воспринимают все это школьники, потому что именно на них рассчитан наш музей (взрослые к нам почти не ходят, за исключением туристов и иностранцев), и прикидываем, что и как переработать у себя. Может быть, свет, фильмы и музыка не обязательны, есть в этом какая-то и парадность, и информационное перенасыщение: мало того, что люди побывали на выставке — они еще и кино посмотрели. Может быть, лучше показать фильмы по телевидению и это будет реклама выставке. А в целом выставка, я считаю, удалась.

Записал В.Белобородов.

Рис. П. Бахлыкова

В автономных округах России

По страницам газеты «Парма»

В феврале 1995 года Коми-Пермяцкий округ будет отмечать свое 70-летие. В связи с этим малый совет поручил администрации разработать план мероприятий и смету расходов на подготовку к юбилею. Коми-Пермяцкому книжному издательству выделены средства для подготовки к изданию фотоальбома об округе. Обсуждается с Фондом финно-угорских народов возможность проведения в Кудымкаре фестиваля финно-угорских народов в преддверии юбилея округа.

Более десяти лет окружной архив занимается сбором фотодокументов, фотофонд насчитывает около полутора тысяч единиц хранения. Основной источник комплектования — редакция «Пармы», автор большинства снимков — фотокорреспондент Ю.И.Сыстеров. Сейчас архив начал работу по сплошному фотографированию сел, деревень и города.

В округе начал издаваться детский журнал «Силькан». Читатели найдут в нем стихи, загадки, сказки, ребусы, творчество самих детей, отрывки из Библии в изложении для детей на коми-пермяцком языке. Первый номер открывает страничка «Посох» («Мостик»), на которой маленький герой журнала Вежор Дзолья обучает русских ребятшек коми-пермяцкому языку.

Журнал получился цветным, красочным. Первый номер иллюстрирован работами местных художников. Главный редактор А.Истомина сообщает, что в год будет выходить по 2 — 3 номера, и приглашает к сотрудничеству детей и родителей, воспитателей и учителей.

В подарок к новому учебному году издательство «Пермская книга» выпустило учебное пособие «География Коми-Пермяцкого автономного округа». Офсетная печать, прекрасное оформление, слайды, графический материал сделали это издание заметным явлением культурной жизни. А тем временем в Екатеринбурге готовится к изданию атлас Коми-Пермяцкого автономного округа.

В народный музей истории образования поступили документы о деятельности просветителей и учителей Уваровых — Владимира Ивановича и Клавдии Васильевны. Более сорока лет проработали супруги Уваровы в школах округа и сделали большой вклад в становление коми-пермяцкой школы, развитие культуры и воспитание молодого поколения.

Автор статьи «Педагоги Уваровы» краевед, заслуженный учитель Российской Федерации Г.Бачев считает, что следовало бы установить мемориальную доску на доме, где они жили.

В начале этого года на собрании клуба международной организации ЮНЕСКО «Уральский следопыт» была принята программа «Павленковская библиотека». Главная цель программы — воскресить память об издателе-просветителе Флорентии Федоровиче Павленкове (1839 — 1900), на чьи средства создавались читальни в местах, отдаленных от культурных центров. Особенность павленковского издательства заключалась в том, что оно пропагандировало научно-популярную литературу.

По данным клуба «Уральский следопыт», на территории нынешнего Коми-Пермяцкого автономного округа было 13 павленковских библиотек. Преподаватель Кудымкарского педучилища Т.Шилова предложила начать поиск следов этих библиотек, восстановить и увековечить добрую память о Ф.Ф.Павленкове, перебросить мостик между прошлым и настоящим.

Не по своей, но по доброй воле

Владимир Елфимов

27 июня 1993 года в Историческом сквере Березова Епископ Тюменский и Тобольский Владыка Дмитрий освятил памятник и отслужил Божественную Литию по сподвижнику и любимцу Петра Великого, адмиралу флота и генералиссимусу, светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову. То, что в 1827 году не удалось осуществить тобольскому губернатору, видному историографу Дмитрию Николаевичу Бантыш-Каменскому, свершили современники... Так логически завершилась практическая часть большой и многотрудной межрегиональной программы «Истоки», организованной мемориальным обществом «Князь Меншиков». В мартовском номере журнала «Югра» мы сообщали читателю о самой программе, о ходе строительства памятника князю, поделились некоторыми размышлениями о судьбе исторического наследия, памятников, культовых сооружений на территории нашего округа.

Вряд ли можно упрекнуть графа Ивана Григорьевича Чернышова в пристрастности сказанного им в 1764 году в присутствии будущего императора Павла: «Стыдно русскому человеку не знать о жизни и смерти такого человека, каким был покойный князь Александр Данилович Меншиков. Недаром он любим был от величайшего на свете Государя, человек был отменного разума». Есть достоверные свидетельства тому, что А.Д. Меншиков после смерти Петра I, в годы своего фактического правления Россией считал для себя главной государственной задачей «достроить недостроенную махину» (Россию. — В.Е.). И немало сделал для того. Но, увы, превратности судьбы, коварство великородных заговорщиков Долгоруковых и Остерманана, личное честолюбие князя погубили и его, и его завистников. Пример весьма поучительный для современных политиков, «страждущих вожделенной власти». Есть над чем, даже спустя 264 года, подумать, да и сделать выводы.

Научная часть программы осуществлялась с помощью известных историков, искусствоведов, краеведов, архивистов — людей бескорыстных и бескомпромиссных. Не могу не назвать среди многих доктора исторических наук, исследователя петровской эпохи Павленко Н.И., кандидата искусствоведения, заведующую сектором Государственного Эрмитажа Калязину Н.В., старшего научного сотрудника Тобольского государственного музея-заповедника, ныне аспирантку Казанского госуниверситета Задорожную О.А., директора Березовского историко-краеведческого центра Шабалину И.Д., многих других не менее уважаемых и достойных исследователей. Длительный сбор, анализ и оценка материалов о Меншикове позволили сделать вывод: «Памяти и памятника достоин». Реальный вклад Александра Даниловича в становление государственности, армии

Публикуемая статья подводит итоги первых трех лет деятельности историко-краеведческого мемориального общества «Князь Меншиков».

и флота, личная отвага, несомненный талант полководца и другие заслуги очевидны, как, впрочем, и его пороки. Но первое преобладает над вторым... И потому потомки помнят Меншикова. Исследование позволило узнать многое о князе, его деяниях во благо России, познать его благородные отцовские чувства, христианские добродетели, мужество и стойкость и другое. Удалось решительно отвергнуть явно надуманное и когда-то сказанное о нем «конъюнктурщиками от политики». На фоне сегодняшних процессов в России мы не без сожаления отмечали справедливость одной притчи. Приведем ее, уважаемый читатель. «Как-то один из двух молящихся перед алтарем монахов трепетно просил Господа вернуть Государя (Петра Великого), чтобы он мог посмотреть на то, что сделали с Россией современники. Второй же монах, услышав просьбу первого, решительно, с явной тревогой просил духовного брата: «Не делай этого, брат. Если Господь вернет нам Государя, то достанется всем».

Но вернемся к самому памятнику и напомним читателю, что построен он исключительно на добровольные пожертвования людей, неравнодушных к истории Отечества. Среди многих назову Важенина Юрия Ивановича, Должикова Леонида Сергеевича, Клюка Богдана Алексеевича, Ивашкева Владимира Петровича — руководителей Сургутгазпрома, журналистов-сургутян Марченкова Вениамина Игнатьевича, Ярошко Александру Федоровну, Цареградскую Лилию Васильевну, редактора березовской районной газеты Нагуманова Наиля Шамильевича, директоров сургутских предприятий Ясавеева Хамида Нурмухамедовича, Кострыкина Анатолия Михайловича, старшего инспектора сургутской судоходной инспекции Кугаевского Владимира Ивановича и многих, многих других.

Мы искренне благодарны коллективам строителей, речников, администрации сбербанка 5940 в Сургуте, капитанов теплоходов БТ — 115, СТГП — 4. Благодарны и администрации Березовского района, поселкового Совета, которые на завершающем этапе установки памятника в Березове оказали нам большую практическую помощь. Читатель без труда догадается, что построить памятник в одиночку просто невозможно. Это главный вывод. Сетования чиновников от культуры на бедственное положение — пустое. Почти за три года работы общества, зная о его проблемах, делах, не удосужились руководители управления культуры области даже просто поинтересоваться нами. Не упрекаем, а констатируем. А вот находили же время и желание поддержать нас морально настоятель Свято-Никольского храма в Сургуте, протоиерей отец Виктор, староста березовской православной общины Пестрякова М.С.

Вывод второй. Не ждите милости от власть придержащих чиновников, а действуйте, опираясь на единомышленников. Таковых отыщется немало, уверяем. Материальная поддержка сургутскими газовиками строительства памятника определила и его судьбу. А предприниматели сегодняшнего дня еще не готовы оказать помощь прежде всего потому, что заняты делами меркантильными, далекими от проблем общества. И это тоже правда.

Затраты общества на реализацию всего проекта, включая строительство памятника, на день завершения составили более десяти миллионов рублей. Читатель

спросит: «А нельзя ли точнее?» К сожалению, нельзя, так как расходы по транспортировке памятника автоводным транспортом из Нижнего Тагила до Березова, погрузо-разгрузочные, общестроительные работы, стройматериалы, многое другое предоставлено было нам бесплатно. Но и от начала строительства памятника в 1991 году при первоначальной его стоимости в 350 тыс. рублей прошло почти три года. Что происходило с ценами, мы все знаем. И всюду нас преследовал налог на добавленную стоимость, фантастические задержки с оплатой счетов по вине расчетно-кассового центра. Разъясним и другое. Все предъявляемые нам счета оплачивались исключительно безналичным путем, согласно Уставу общества, а каждое принимаемое решение было коллегиальным и гласным. Это избавило нас от домыслов, слухов, подозрительности. Было отправлено более двух тысяч писем, около 100 телеграмм, состоялись десятки телефонных переговоров. А ведь это тоже затраты и немалые. Были и командировки в ряд городов.

Таким путем удалось поставить не только сам памятник, но и изготовить и подарить березовскому краеведческому музею копии исторических портретов А.Д. Меншикова, его дочерей, Петра I из фондов Государственного Эрмитажа. Завершила эту часть программы уникальная и пока незнакомая читателю картина о ссылке Меншикова в Березов с названием: «Надежда нас не оставит». Это совершенно новый подход к образу князя талантливой художницы из Санкт-Петербурга Бувалец В.А. Все картины доставлены из Санкт-Петербурга в Березово пилотом Ханты-Мансийского авиапредприятия М.Г. Мухиным. Картины высоко оценены экспертами Эрмитажа, искусствоведами, снабжены сертификатами. У господина Сурикова нашлись последователи среди наших современников. И мы этому рады. Но это просто не могло бы состояться без деятельного участия Нинель Васильевны Калязиной.

В экспозицию березовского краеведческого музея переданы в дар авторские экземпляры книг о Меншикове и Петре I Николая Ивановича Павленко и многое другое. Было естественное желание пригласить на открытие памятника в Березово наших бескорыстных помощников, но, увы, не нашлось средств. Никто и не посетовал на то. В личной переписке с участниками проекта была простая человеческая радость. А ведь многих из них мы знаем только по переписке длиною более трех лет. Для любопытствующих сообщу, что за время работы было изготовлено несколько сот копий фотодокументов. И мы признательны начальнику оперативно-технического отдела УВД г. Сургута Покидько Н.И., его криминалистам, лаборантам. Опубликовано более двух десятков публицистических статей в газетах и журналах. Два из названных документов, касающихся судьбы Меншикова, опубликованы в периодике впервые — текст манифеста о винах князя Меншикова и приветствие Исаака Ньютона Меншикову по случаю избрания его членом Лондонского Королевского общества. Создан уникальный научный архив, над которым еще предстоит поработать, чтобы попытаться издать в доступной для читателя форме.

Но это к вопросу о планах. Сам же памятник, воплощенный в бронзе и граните (явление в наше время почти уникальное) достойно украшает Березов, т. к. передан ему в дар и во владение в годовщину его 400-летия.

Иногда спрашивают: «А как помогали Вам Ваши близкие, родные? Отвечу: потечески благодарен дочерям своим Жанне и Юлии за участие. Но это уже сугубо личное. Понимаю, что не все удалось рассказать читателю, да и мне легче сделать, чем рассказать. Такова жизненная школа. Не всегда простая и легкая, но по итогам сделанного — счастливая. Отвечу и скептикам относительно множества пророчеств о «гибели России». Не состоялось это, господа, ранее, не состоится и теперь. Народ, выстрадавший свою судьбу, не допустит этого.

На центральной мемориальной плите памятника отлито в бронзе: «Благодарная Россия — сподвижнику Петра Великого, светлейшему князю Меншикову Александру Даниловичу». Мы в начале многотрудного пути. Пожелаем же друг другу удачи.

Фото Н. Партанова

Орнамент и жизнь

Когда-то я читала, что, нашивая орнаменты на халаты и платья, хантыйские мастерицы вкладывают в них конкретное содержание. Занимаясь описанием экспонатов нашего музея, я пришла к выводу, что это бывает редко, обычно мастерица пользуется тем орнаментом, который ей понравился, а значения его может и не знать. Но если она опытная и знающая, то создает оригинальные вещи.

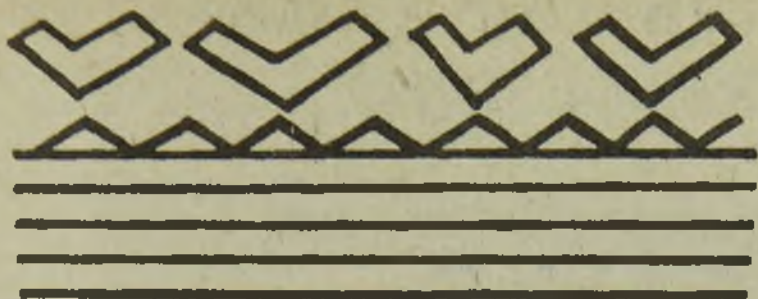
Например, есть в нашей коллекции женские варежки из ткани, украшенные орнаментом, рисунок которого я привожу здесь (см. следующую страницу). Из значений отдельных орнаментов складывается целый сюжет, я прочитала его следующим образом: «У протоки стоит деревня. В протоке водится много щуки. За деревней ветвистый лес, в лесу ходят люди, собирают грибы и ягоды».

Мне такие попытки прочтения очень интересны. Я беседую со старыми ханты, иногда записываю их рассказы в тетрадь и имею возможность сравнить этот сюжет с действительной жизнью той деревни, где жила когда-то женщина, изготовившая эти варежки. Деревня называлась Лохтаткурты. В отличие от другой хантыйской деревушки Халапанты, расположенной близко от плава, где ловили белую рыбу, в Лохтаткуртах добывали в протоке только щуку. Даже шутка жила в те времена: приезжают лохтаткуртцы в Халапанты — их приветствуют: «Вуся-вуся, лохтаткуртские щурогайки!» А те отвечают: «Вуся-вуся, халапантский чай-сахар!»

Вокруг деревни — гривы березовые, тальник, места ягодные. Где сейчас увидишь полную лодку ягод? А раньше так было. Женщины вдвоем — втроем собираются за ягодами, каждая на своей калданке. Полный хинт набрали, спустились к воде, высыпали ягоды прямо в лодку и опять в лес. Домой едут — полная калданка ягод.

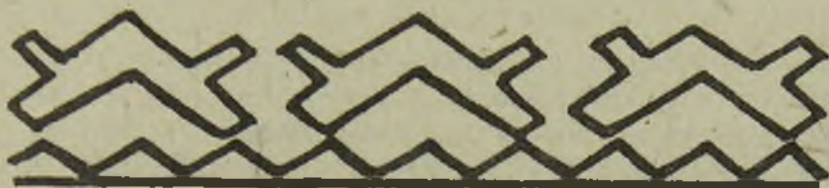
Таким образом, иногда в орнаменте бывает запечатлена реальная жизнь.

**Н.Крюкова, директор Шеркальского
краеведческого музея**

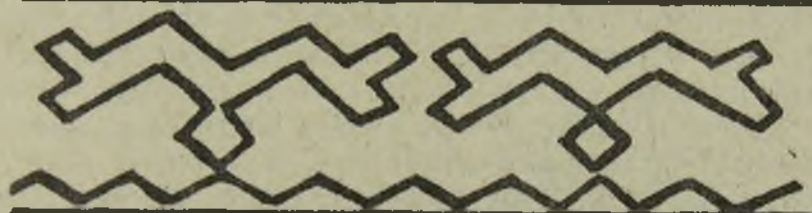

„ЧЕЛОВЕК“

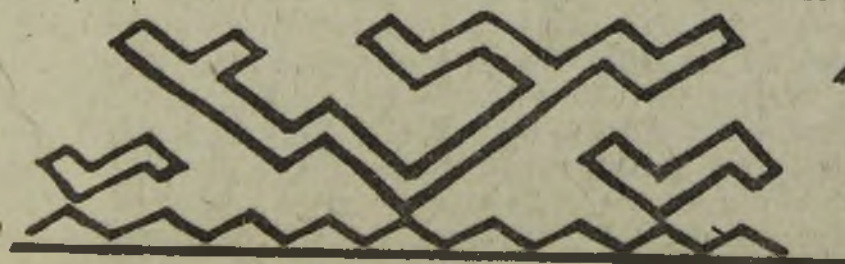
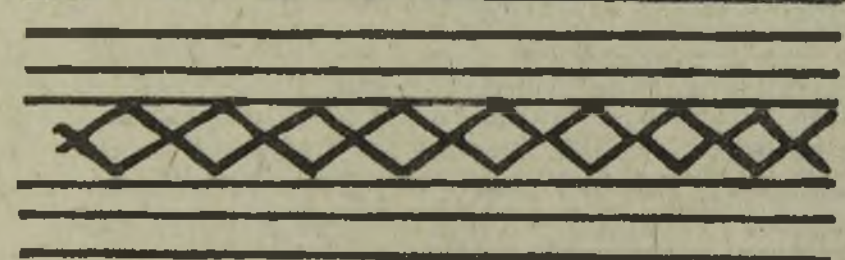
РЕКА, ПРОТОКА

„ЩУЧЬИ ЗУБЫ“

„КОРНИ ТРАВЫ“

„БОЛЬШАЯ БЕРЕЗОВАЯ
ВЕТВЬ“ или „ВЕТВИ-
СТЫЙ ЛЕС“

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЮ— ПРАВОВУЮ ОСНОВУ

**Б.Чижов, директор Тюменской лесной опытной станции,
кандидат сельскохозяйственных наук.**

В Среднем Приобье до появления нефтегазодобывающей промышленности вся экономика базировалась на природных ресурсах, относящихся к категории восстанавливаемых. Ведущими отраслями являлись лесная и рыбная промышленность, сельское и охотничье хозяйство. Устойчивость и эффективность работы этих отраслей напрямую зависели от сохранности лесов, чистоты водоемов и почв. Поэтому даже в условиях бесхозяйственности природа края оберегалась.

Развитие нефтегазодобычи в корне преобразило не только региональную экономику, но и природу Среднего Приобья. Сельское, рыбное, охотничье и лесное хозяйство вытеснены в ранг вспомогательных отраслей и по объему производимой продукции даже отстали от того уровня, который был достигнут к моменту появления нефтяной промышленности. Большая землеемкость, высокая токсичность добываемых нефтепродуктов и применяемых реагентов, повышенная пожароопасность и аварийность промобъектов нефтегазодобычи, а также принцип «Дашь нефть любой ценой» за короткий срок превратили недавно экологически чистый регион в зону экологического бедствия.

Почти все месторождения нефти расположены на землях лесного фонда, поэтому первоочередному разрушению подверглись леса — главный стабилизатор природной среды. Уничтожение лесов на землях, отводимых под промышленные объекты и трассы коммуникаций, идет примерно теми же темпами, что и при лесозаготовках (см. таблицу), но в отличие от последних носит в большинстве случаев необратимый характер.

Динамика лесоразрушения на территории Среднего Приобья

Лесоразрушающие факторы	ед. измерения	Годы			
		1976	1981	1985	1989
Отвод земель для нефтедобычи во временное и постоянное пользование	тыс. га	19,0	16,3	27,6	22,0
	%	100	86	145	115
Рубки главного пользования	тыс. га	11,1	16,0	17,4	25,5
	%	100	84	91	229
Лесные пожары	тыс. га	0,2	0,2	0,1	327,2
	%	100	100	50	1636

С целью удешевления строительства под буровые площадки, насосные и компрессорные станции, под дороги и трассы трубопроводов зачастую отводятся наиболее дренированные и наиболее продуктивные лесные земли. Уничтожаются лучшие места обитания охотничье - промысловой фауны, продуктивные ягодные и грибные урочища, участки, обладающие высокими водоохранными, защитными и санитарными свойствами.

Только за период с 1973 по 1989 г. под промышленные объекты и коммуникации в Сургутском, Нефтеюганском и Нижневартовском районах отведено 324,5 тыс.га. Но указанными цифрами не ограничивается разрушительное действие нефтегазодобычи. По данным опытного лесоустройства установлено, что на каждый отведенный под строительство гектар приходится еще 0,38 га, нарушенных за пределами границ отвода. Поэтому, несмотря на отсутствие учета, можно с достаточной уверенностью утверждать, что площадь нарушенных земель, перешедших в категории, не используемые для нужд лесного хозяйства, вместе с землями, подвергшимися загрязнению и затоплению, к настоящему времени превысила 500 тыс. га.

Никаких мер по компенсации потерь лесных земель не осуществляется, рекультивационные работы проводятся только в опытных масштабах. Происходит сокращение продуцирующих и накопление замазученных земель, являющихся источниками загрязнения прилегающих территорий, грунтовых и поверхностных вод.

Наряду с нефтегазодобычей значительный ущерб природе края причиняют лесозаготовки, которые выполняются экологически несовершенными машинами и механизмами и во многих случаях сопровождаются грубым нарушением лесоводственных и природоохранных норм. Не всегда обеспечивается требуемое сохранение подроста. Сильно повреждается второй ярус, крупный подрост (более 1,5м.) и молодняк хозяйственно ценных пород. В весенне-летний период сильно нарушаются почвы, наносится ущерб кормовой базе промысловых животных и дичи, уничтожаются ягодниковые, лекарственные и другие хозяйственно ценные подпоговые растения.

В связи с ростом населения и насыщением лесов промышленными объектами за последние 15 лет горимость лесов возросла в 3,5 раза. Совокупное воздействие лесной и нефтегазодобывающей промышленности, прогрессирующее заболачивание территории и нарастающая горимость лесов превращают Среднее Приобье в район экологического бедствия.

Предотвратить экологическую катастрофу возможно только в том случае, если взаимоотношения отраслей, ответственных за воспроизводство природных ресурсов, и отраслей добывающих будут осуществляться на правовой договорной основе и базироваться на принципах рационального природопользования, экологизации технологий, платности за пользование природными ресурсами, экономической и правовой ответственности за ущерб, причиненный природной среде.

Переход на правовые нормы природопользования — задача нелегкая. Он может быть осуществлен только после подготовки пакета необходимых законодательных и нормативных документов и отработки механизма их реализации.

В сложившейся ситуации крайне важен и своевременен выход в свет Основ лесного законодательства Российской Федерации. В отличие от ранее действующего Лесного Кодекса РСФСР они устанавливают принципы взаимоотношений, ориентированные на рыночную экономику. Вводится платность пользования всеми видами лесных ресурсов. Отменен статус лесосырьевых баз и леспромхозов. Лесной фонд представляется в пользование через лесные торги и конкурсы.

Лесное хозяйство освобождается от не свойственных ему функций по заготовке

и переработке древесины и должно сосредоточить все силы на воспроизводстве и повышении продуктивности лесов, уходе за ними, охране от лесных пожаров, браконьерских порубок и загрязнения, защите от вредителей и болезней. При передаче участков лесного фонда в долгосрочное пользование (аренду) лесхозы должны определить условия пользования участками, при которых полностью сохраняется плодородие почв и минимально нарушаются защитные функции лесов.

Большие права предоставлены органам местного самоуправления. Передача лесных ресурсов лесопользователям должна осуществляться только на основании совместных решений районных Советов, администраций и владельцев лесного фонда. Лес становится источником доходов местного бюджета.

Но недостаточно декларировать принципы платности за природные ресурсы, экономическую и правовую ответственность за ущерб, причиненный природной среде. Чтобы законодательные принципы не превратились в очередные никем не выполняемые лозунги, а начали работать, их следует конкретизировать нормативными документами, разработанными с учетом природно-экономических особенностей региона. Например, до настоящего времени приемка земель, временно использованных при разведке, обустройстве и эксплуатации нефтяных месторождений, проводится в соответствии с «Положением о порядке передачи рекультивированных земель...», утвержденном 18 февраля 1977 г. В нем изложены в общем правильные принципы приемки земель, но отсутствует главное — конкретные требования к качеству принимаемых земель. Не названо, по каким показателям определять качество очистки участков от древесных остатков, состояние растительности, почв и грунтовых вод, допустимое содержание в почве и водах нефтепродуктов и химреагентов, применяемых при бурении и эксплуатации скважин. Поэтому оценка принимаемых земель производится весьма субъективно, в меру эрудиции и благожелательности принимающих. В одних случаях НГДУ не могут сдать земли в три захода, в других случаях буровые площадки принимаются с пятнами разливов нефти, засыпанных песком, автодороги — без водопропускных сооружений, с обширными зонами затопления прилегающих территорий, трассы трубопроводов — с опущками, захлапленными древесно-земляными валами и без переездов через трубопроводы.

Крайне важно взамен ни к чему не обязывающего положения разработать и утвердить регламент, четко определяющий требования к принимаемым землям, методы измерения основных показателей их качества, порядок приемки, права, обязанности и ответственность пользователя земли, землевладельца и комиссии по приемке земель.

Отклонения от требований регламента должны наказываться. Но штрафные санкции не следует делать самоцелью. Они неплохо пополняют ведомственные и районные бюджеты, но мало помогают искалеченной природе. Легче предупредить нарушения, чем их исправлять.

Поэтому требования регламента должны закладываться в проекты на строительные и рекультивационные работы. Руководствуясь ими, землепользователи могут выбирать технологии строительства и способы рекультивации земель, которые позволяют при минимальных затратах качественно подготовить возвращаемые земли и избежать штрафных санкций.

Несбалансированное развитие нефтегазодобывающей и лесозаготовительной промышленности особенно болезненно сказывается на жизни коренного населения. Происходит практически уничтожение их среды обитания, традиционных видов хозяйственной деятельности — охоты, рыболовства. Поэтому чрезвычайно актуальна регламентация природопользования в местах проживания малочисленных народов. Недостаточно формально выделить зоны приоритетного природопользования.

Необходимо разработать нормы, обеспечивающие достаточно интенсивную, но неистощительную эксплуатацию природных ресурсов этих зон. В самые кратчайшие сроки следует уточнить, доработать или заново разработать следующие документы: регламент на применение лесозаготовительной техники; технологии рубок главного и промежуточного пользования и лесоводственные требования по их выполнению в зависимости от групп и категорий защитности лесов; правила пользования лесным фондом для осуществления побочных лесных пользований, лесоводственные требования к заготовке лекарственных растений и технического сырья; порядок и условия пользования лесным фондом для нужд охотничьего хозяйства; правила пользования лесным фондом в культурно-оздоровительных, туристических и спортивных целях.

Обязательным элементом перехода на правовые формы природопользования является эколого-экономическая оценка природных ресурсов. Применительно к лесу должна быть выполнена комплексная оценка всех его богатств и всех многообразных полезных функций. В денежном эквиваленте необходимо предоставить не только стоимость древесины, дикорастущих плодов и ягод, грибов и диких животных, но также определить цену водоохранной, водорегулирующей, климатопреобразующей, рекреационной и кислородо - производящей роли конкретных лесных участков. Эколого-экономическая оценка позволит увидеть масштабы потерь, связанных с преобразованием и уничтожением лесных ресурсов, определит сравнительную ценность различных участков, даст возможность просчитывать экономическую эффективность различных вариантов природопользования. Без экономической оценки невозможно установить оптимальные размеры арендной платы, которая бы стимулировала вовлечение в использование природных ресурсов и обеспечивала своевременное их восстановление.

Чтобы навести порядок в землепользовании, необходимо разработать с учетом специфики нефтегазодобывающих отраслей промышленности Положение об аренде, пересмотрев устаревшие руководящие документы. Например, по действующему законодательству территории трасс трубопроводов, линий электропередачи и связи после строительства объектов формально возвращаются в лесной фонд. Но они не могут использоваться для лесовыращивания. Возле трубопроводов действуют притрассовые дороги, крайне ограничена любая хозяйственная деятельность. Поэтому территории трасс логично передавать в аренду на весь период эксплуатации трубопроводов.

Практически выведены из оборота огромные площади лесов, включенные в охранные зоны трубопроводов. Никакого ухода за ними не ведется. Будучи захлапленными древесиной от порубки трасс, ветровалом и буреломом, охранные зоны не выполняют своего назначения. Срочно требуется уточнить их статус, определить режим ведения хозяйства и исполнителя работ.

В условиях перехода к рынку первоначального накопления капитала принцип «Нефть любой ценой, а после нас хоть потоп» может расцвести с новой силой. Приостановить варварское истребление природных ресурсов можно только проведя экологическую экспертизу всех применяемых технологий и разработав четкие экологические требования по каждому виду природопользования. Некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. На основании многолетних исследований Тюменской лесной опытной станцией Всероссийского НИИ лесоводства разработаны «Лесоводственные требования к размещению, строительству и эксплуатации объектов нефтегазодобычи на землях лесного фонда в таежных лесах Западной Сибири», а также «Лесоводственные требования к ведению сейсморазведочных работ на землях лесного фонда».

Лесоводственные требования представляют собой комплекс мер по защите

лесов, земель и вод лесного фонда от неблагоприятных воздействий сейсморазведки и нефтегазодобычи. Их основные задачи состоят в том, чтобы сократить землеемкость нефтегазодобычи; снизить потери наиболее продуктивных земель, угодий и участков леса, имеющих высокое средозащитное и экономическое значение; обеспечить рациональное использование древесных ресурсов на изымаемых землях; прекратить нарушение и загрязнение природных комплексов за пределами объектов нефтегазодобычи; обеспечить надежное противопожарное устройство промышленных объектов и прилегающих лесных массивов.

Аналогичные требования должны быть разработаны рыбаками, охотоведами, санитарными службами. На базе отраслевых следует подготовить общие экологические требования по всем добывающим отраслям промышленности и в первую очередь к нефтегазодобыче и лесозаготовкам.

Сейчас бытует мнение, что рекультивацией можно восполнить любые нарушения природных объектов. Но это в корне неверно. Практически навсегда становятся непригодными для лесовыращивания и сельскохозяйственного использования участки затопления. На замазученных площадях восстановление естественных сообществ может растянуться на сотни лет. Поэтому все усилия должны быть направлены на разработку экологически безопасных технологий и неукоснительное их соблюдение.

Отсутствие четких норм природопользования и правовая неразбериха удобны не только нарушителям, но и ведомствам, контролирующим природопользование. Поэтому переход на правовые основы безусловно столкнется и с трудностями субъективного порядка. Пример тому — разработка регламента на приемку земель. Идея подготовки этого документа выдвинута Тюменской лесной опытной станцией и активно поддержана Нижневартковским комитетом по экологии, профинансировавшим его разработку, Нижневартковским и Мегионским лесхозами, районными и окружными администрациями. И только руководство Нижневартковского комитета по земельным ресурсам и землеустройству выразило сомнение в необходимости документа, четко регламентирующего права и обязанности всех сторон, участвующих в приемке рекультивированных земель. Особые возражения вызвало требование регламента о включении в комиссию по приемке земель представителей органов охраны природы. Мол, мы сами с этим хорошо справляемся, а участие комитета по экологии намного затянет приемку земель. Комментарии такой мотивировки, думается, излишни.

Мы строим правовое государство. Не взяточническая договоренность, не диктат властей должны определять взаимоотношения между владельцами и предприятиями, эксплуатирующими природные ресурсы, а общепринятые и узаконенные Нормы и Правила. Переход на правовую основу природопользования непривычен, труден, но необходим. Необходим для спасения нашей среды обитания, для нашего самосохранения.

БОРТЬ, ЦВЕТЫ И МЕД

Владимир Назаров

Кто из нас не любит мед? Настоящий, сотовый, желтый и пахучий, тающий на языке. Чудесный дар природы — пчелиный мед щедро вобрал, сгустил в себе нежные цветочные ароматы яркого летнего луга, целебную силу земли и солнца.

Сладкая сиропообразная густая жидкость, складываемая пчелами в соты, есть не что иное, как переработанный ими нектар цветков. В нем, в нектаре, главный секрет меда. Бывает, что пчелы собирают (если нет нектароносных цветков) падь — сладкие выделения на листьях и стеблях растений. Из медвяной росы получается падевый мед, неприятного вкуса, темного цвета. Питаясь им во время зимовки, пчелы погибают.

Сахарный сок медовых желез, или нектарников, медоносных растений — вот истоки силы и целебности пчелиного меда. Но из многих сотен таких растений особую ценность представляют только те, у которых нектар выделяется в изобилии и доступен для пчел. А их единицы. И сбор меда всеми пчелиными семьями одной пасеки за весь сезон полностью зависит от наличия поблизости хороших медоносов, с которых пчелы могут получить главный взятки. Липа, клен, клевер белый и розовый, донник, иван-чай, шалфей, дягиль обеспечивают щедрый медосбор. Чем разнообразнее медоносы, чем больше насыщена ими окружающая пасеку растительность, чем теснее смыкается их цветение, тем богаче запасы в ульях. Только при таких условиях взятки бывают обильными, продолжительными и устойчивыми.

Цветочный мед — липовый, гречишный, подсолнечниковый, кипрейный, а также собранный с разнотравья, — различен по вкусу: он то нежно-приятный, то острый, то раздражающий слизистую оболочку. В детстве, когда мы жили на Северном Урале, у знакомых отца была небольшая пасека. Маленький наш поселок окружали только болота, сосновая и еловая тайга. А на болотах в начале лета всегда буйно и пышно цвел багульник. И мед получается горьковато-пьянящим, терпким.

Но однажды, на третий или четвертый год после лесного пожара, на горельнике вымахали большие заросли иван-чая. От пасеки они были далеко, но пчелы все же каким-то образом «разнюхали» туда дорогу и летали целыми стаями. Это был постоянный пир.

На сухих песчаных буграх, удобренных золой, то пробиваясь отдельными куртинами, то сплошняком покрывая черные коряжины и валежник, властвовал кипрей узколистный. Его крупные красивые пурпурно-розовые и длинные кисти

заливали дивным цветением всю округу. Не только венчики и чашечки были заметны издали, но и цветоножки, сам стебель в верхней своей части светились красноватым цветом и приманивали насекомых. Воздух гудел от их жужжания.

В разгар цветения иван-чая хозяин пасеки успевал откачивать мед из ульев. Ведь каждый цветок растения выделяет в среднем 16 — 20 миллиграммов нектара, а с одного гектара его можно собрать почти полтонны. Причем, улетаая на «пастбище» утром и после полудня, пчелы брали взятку даже в такую погоду, когда ни клевер, ни липа не давали нектара. Возвращались они из лесу недели две-три подряд всегда сытыми, отяжелевшими, неся с собой также пыльцу кипрея, которая служила им для питания и изготовления особого пчелиного клея (прополиса), употребляемого для замазывания щелей в улье, для сужения леткового отверстия в холодное время года.

Вот уже много лет я помню вкус этого отменного, желто-прозрачного меда, которым нас угощал пасечник. И всегда радуюсь, когда иван-чай выкидывает на лесных опушках и полянах розовые языки пламени.

Но радость эта сопряжена с грустью. Ведь пасек в Нефтеюганском районе, где я живу, считанные единицы. Почему же? Старожилы утверждают, что в 40-х годах один из ханты-мансийских пчеловодов получил за сезон от пчелиной семьи до 100

Письма в редакцию.

Пионер северного пчеловодства

Есть люди редкие по своим природным дарованиям: у них золотые руки, благородный ум, чистая душа, они трудолюбивы и деловиты. Они — как бы источник излучения прекрасных достоинств. К таким людям я бы отнес и Петра Васильевича Капитонова, живущего в поселке Юбилейном Советского района. Он первым в районе поставил опыт разведения пчел и добился успеха.

К пчеловодству он приобщился с детства. Рано потеряв родителей, Петя воспитывался у бабушки, Марии Ильиничны, а у нее была своя пасека.

В середине 60-х годов Петр Васильевич начал работать в Малиновском леспромхозе мастером-строителем, а в свободное время расчистил участок под огород и стал выращивать хорошие урожаи овощей. Когда жители района осенью стояли в очередях за капустой, привезенной по железной дороге, у него в огороде были огромные кочаны.

Расчистил Петр Васильевич и место для пасеки и в 1972 году привез из Сочи в пакетах две семьи пчел. Быстро сделал ульи. Был конец июня, цвели шиповник, малина, жимолость, а особенно много было иван-чая. За лето от двух пчелиных семей Капитонов получил первые 70 кг. превосходного золотисто-янтарного душистого северного меда. Это был мед от растений, которые еще не подверглись, как в средней полосе и на юге России, опылению ядохимикатами.

Пчелы хорошо прижились на Севере, и в поселках Юбилейном, Таежном, Пионерском, Малиновском, Алябьево и других у Петра Васильевича появились последователи, хотя все-таки большинство местных жителей считало его занятие чудачеством.

Ободренный первым успехом, он приобрел в Свердловске еще десять семей вместе с

килограммов целебного меда, за что был удостоен звания Героя Труда. Почему же заглох нынче этот очень нужный промысел?

В нашем северном краю, где сплошь болота, озера, реки, трудно рядовому пчеловоду забросить свою пасеку в места, богатые медоносами.

— Но можно ведь ульи сплавлять на барже по Оби, — сказал мне как-то председатель кооператива «Навруз» из города Пыть-Яха Х.Х. Маннанов, — с юга на север, идя вслед за цветением растений.

Идея хорошая. И кооператорам наверняка следовало бы заняться этим перспективным делом.

Впрочем, есть еще один выход из положения: развивать в тайге бортничество. В Башкирии, кстати, этот способ добывания меда до сих пор применяется. Кое-кто из добрых хозяев имеет борти и на Среднем Урале. Деревянные колоды прикрепляются к стволу больших деревьев на высоте 4 — 5 метров. Забраться на такую высоту непросто: применяется особая оснастка. Для защиты меда от куницы, медведя тоже придумывают разные хитрости. И все лето пчелы, находясь рядом с богатыми медоносами, берут взятку.

С нескольких таких подвесных ульев можно не только прокормить свою семью, но и получить приличный доход от продажи меда на рынке.

ульями и с большим трудом доставил их по железной дороге в Юбилейный. В 1974 году от двенадцати пчелиных семей Капитонов получил 330 кг. меду.

Как раз в это время в местных леспромхозах стали развивать теплично-парниковые хозяйства, выращивать огурцы, помидоры, цветы, и для опыления понадобились пчелы. Хозяйственники стали обращаться к Капитонову, приобрели пчел, и урожай в теплицах заметно повышался. Помогал он и Пионерской больнице, поставляя мед для тяжелобольных.

Бывая в южных районах, Петр Васильевич искал и приобретал семена медоносных растений (красного клевера, желтого и белого донника, подсолнечника) и высевал их в удобных местах поблизости от дома, а подсолнухи — по краям огорода, у заборов. Достойно сожаления, что этому примеру не следуют леспромхозы, имеющие молочные фермы, и не превращают места вырубок в поля для высева многолетних трав, а посылают людей на заготовку корма для скота на Обь и еще дальше, за тридцать земель.

В последние годы неутомимый и умелый хозяйственник Капитонов заведует теплицами Таежного леспромхоза. Его маленький коллектив в пять человек с ранней весны до глубокой осени снабжает огурцами и вызревающими на корню помидорами детские сады, котлопункты леспромхоза,ставляет их в магазины.

К сожалению, удачный пчеловодческий опыт Петра Васильевича не распространяется в районе. Правда, директор Пионерского лесопромышленного комбината В.А.Быковец планировал завести пасеку, чтобы снабжать медом своих рабочих, но замысел этот не осуществился из-за ликвидации предприятия. А жаль. Грустно видеть, что при огромном количестве кооперативов, занимающихся исключительно перепродажей, так мало людей, желающих создавать фермы для разведения молочного скота, пушных зверей, кроликов, выращивания овощей или, по примеру Петра Васильевича Капитонова, пасеки. А возможности для этого есть.

**М.Яковлев, почетный гражданин
Советского района**

Еще раз о камке (морде)

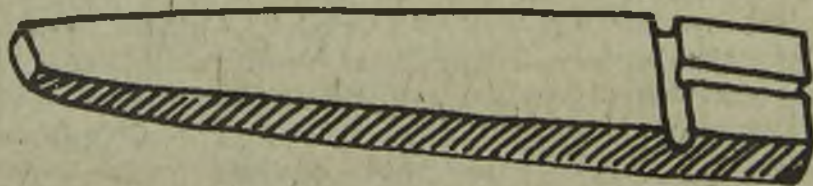
Хочу сделать некоторые дополнения и пояснения к опубликованной в предыдущем номере заметке о плетении старинной мансийской ловушки на рыбу — камки, или морды. В ней упоминалось о двух тонких жердущах или тычках, которые подвязывались к нижней части морды вдоль нее. Это делалось для того, чтобы морду с уловом легче было вытаскивать из воды и опораживать. Бывало, во время загара в морду набивалось более двух центнеров рыбы, и без такого приспособления вынимать добычу было бы намного труднее.

В заметке было употреблено слово «вяз», но не в значении «порода дерева». Вязом у нас называли стволы ивы, черемухи, рябины и даже березы толщиной в 25 — 30 мм., расколотые пополам и с выстроганной сердцевинкой.

Крышка морды привязывалась специально сплетенными из лыка веревками.

И несколько слов о мялке корней (см. рис.). Она представляла собой деревянную планку, зауженную с одной стороны, с продольным и поперечным углублениями (выемками), соединенными в виде буквы «Т». В продольное углубление вкладывался корень, а в поперечное — нож обухом книзу. Затем корень тянули, и он мялся и становился пригодным для приплетения жалин к обручам.

Н. Калымов

Тобольские члены и сотрудники ВЭО

Ю. Белоножко, кандидат исторических наук

Алябьев Александр Васильевич

Даты рождения и смерти не выявлены. Крупный сибирский администратор последней трети XVIII — начала XIX в.в. 7 мая 1780 г. сибирским губернатором был назначен генерал-поручик Кашкин Евгений Петрович. Вице-губернатором при нем 21 октября 1780 г. был утвержден А.В. Алябьев. В 1782 г. Сибирская губерния была разделена на 3 наместничества: Тобольское, Колыванское и Иркутское. Тобольское наместничество было утверждено 19 января 1782 г. Вероятно, в это время Алябьев продолжал свою службу в Тобольске.

Александр Васильевич вошел в историю как просвещенный правитель, покровительствовавший литературе и искусству, книгоиздательству. Его жена была близкой родственницей известного русского просветителя XVIII в. Н.И. Новикова. Вероятно, в какой-то мере влияла на формирование взглядов и вкусов мужа. При одобрении и содействии Алябьева в 1789 — 1791 гг. в Тобольске группа прогрессивно настроенных местных литераторов (среди них известный впоследствии поэт П.П. Сумароков) издавала журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Тираж журнала плохо расходился. Наместник принимал меры к его распространению. В период управления Алябьева в Тобольске действовал театр.

Для политических взглядов тобольского наместника показателен факт теплого приема в Тобольске А.Н. Радищева, который жил здесь проездом в Илимскую ссылку с декабря 1790 г. по июль 1791 г. За ласковое обращение с опальным писателем Александр Васильевич получил замечание Екатерины II.

До какого времени Алябьев занимал должность тобольского наместника, с точностью установить не удалось. Достоверно известно, что в январе 1796 г. он еще занимал эту должность¹. Впоследствии он был сенатором².

ВЭО установило связь с ним в 1790 г. В декабре этого года оно объявило конкурсную задачу составить описание губерний и наместничеств. Программа описаний — «Начертание хозяйственного описания частных наместничеств» — была подготовлена в ноябре 1790 г., напечатана в типографии и разослана в губернии, по 10 экземпляров в каждую. В декабре 1790 г. получил свои 10 экземпляров и Алябьев и сразу же разослал их в нижние земские суды, о чем известил ВЭО³.

Общество обещало наградить тех сочинителей, которые пришлют описания.

Продолжение. Начало см. «Югра» №11, 1993.

1. Данные о губернаторстве Алябьева взяты из «Истории Сибири», т. 2. — Л.: Наука, 1968. — с. 329, 333 — 335.

2. Большая Советская энциклопедия. — 2-е изд., 1950. — Т. 2. — с. 200 (ст. о его сыне).

3. ЦГИА СССР, ф. 91, д. 40, л. 138.

Был установлен срок присылки описаний — октябрь 1791 г. Однако с 1790 г. по 1801 г. поступило только одно сочинение — описание Полоцкого наместничества, сочиненное Луниным¹.

В начале 1791 г. ВЭО разослало своим членам сочинение Ловице о том, как предохранить воду от порчи и как поправить уже испорченную воду. Такую книгу получил и А.В. Алябьев². Это дает основание считать, что он был избран членом общества.

17 мая 1791 г. на собрании членов ВЭО рассматривали письмо наместника Алябьева о новом способе получения оберточной бумаги из тины. В ответ общество просило Александра Васильевича сообщить имя изобретателя и название вещества, из которого делалась бумага, пообещав напечатать сведения об этом в «Трудах ВЭО». К 6 сентября 1791 г. Алябьев прислал затребованные сведения. Изобретателем нового способа получения бумаги был тобольский житель Василий Выродов. Бумагу он выделял из водяной тины. Изготовил ее немного, для опыта. Общество решило наградить Выродова за его изобретение серебряной медалью. Тогда же медаль была послана в Тобольск, но к изобретателю не попала. 16 сентября 1791 г. Тобольское наместническое правление известило ВЭО о том, что Выродов умер, и запрашивало, что делать с медалью³.

История дальнейших взаимоотношений ВЭО и А.В. Алябьева остается невыясненной.

Следует напомнить читателю о том, что Александр Васильевич был отцом русского композитора Александра Александровича Алябьева (1787 — 1851 г. г.). В истории отечественной музыки он известен как старший современник М.И.Глинки, наиболее талантливый и зрелый мастер русского романса.

1. Ходнев А.И. История императорского ВЭО с 1765 г. по 1865 г.—Сиб., 1865,— С. 50.

2. ЦГИА СССР, ф. 91, д. 38

3. Там же. Д. 38, л. л. 110 об., 172 — 269 об.; д. 40, л. 190; д. 47, л. 376 об.—377.

ЭЛЕМЕНТЫ ТЕАТРАЛЬНОСТИ В ОБРЯДАХ МАНСИ

Анатолий Иванов, кандидат искусствоведения

Ни у одного народа Севера и Сибири не отмечалось такого обилия элементов театральности в традиционных обрядах, как у хантов и манси. Термины «театр», «сцена», «драматическое искусство» не раз употреблялись по отношению к ним. Об этом писали Г. Новицкий, К. Патканов, К. Карьялайнен, А. Каннисто, М. Шатилов, В. Кулемзин, З. Соколова и многие другие русские, финские и венгерские исследователи.

В 1885 году в Северо-Западную Сибирь был командирован Н.Л. Гондатти. Результатом его поездки явились две большие статьи («Следы языческих верований у Маньзов» и «Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири»). Обе были опубликованы в книге VIII «Трудов Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете» (1888 г.) и в том же году вышли отдельной книгой.

Н.Л. Гондатти собрал большие и интересные материалы о шаманах, отметил увеличение их количества на Сыгве и Северной Сосьве, обратил внимание на то, что будущие шаманы с малолетства отличаются от других детей большей восприимчивостью, впечатлительностью, нервностью. Однако к шаманам «по призванию» примазываются шарлатаны, рассчитывая на доверчивость и неграмотность населения. Гондатти отметил, что мансийские шаманы не имели помощников и все делали сами.

Особенно интересна для нас вторая статья Гондатти, посвященная культуре медведя. Она начинается с описания охоты на медведя, совершаемой по определенным правилам, доставки туши в селение, ее разделки и прочего. При этом соблюдались раз навсегда установленные правила. Затем начинались празднества. К первой ночи, когда еще не все знают о случившемся, съезжаются немногие. Затем, когда слух об удачной охоте распространится дальше, собирается до ста человек. Знаменательно это соединение обряда с празднеством, требующее от участников не только охотничьих, но и исполнительских качеств. Не случайно в этих целях выписывают за 200 — 300 верст какого-нибудь старика, знающего «все песни и представления, без которых праздник не в праздник». Существует своего рода иерархия расположения лиц на празднестве: охотник, убивший медведя (его шкура — в почетном углу), сидит справа от зверя; слева сидят играющие на «сангульдапе» (пятиструнном музыкальном инструменте в виде длинного ящика). В целях «очищения» каждого входящего «обливают немного водой или осыпают снегом».

Каждая из праздничных ночей начинается с пения. Трое мужчин с покрытыми головами становятся перед медведем, отвесив ему низкий поклон, берутся мизинцами и, размахивая сцепленными руками, поют. По окончании песни один из почетных гостей звонит в колокольчик или ударяет палкой по металлической доске. Немного отдохнув, певцы начинают вторую песню и т. д. При убитом самце поют 5 песен, при самке — 4, при медвежонке — три или две. Песнями оканчивается первая половина ночи, затем следует угощение, после чего — представление отдельных сцен. Пение музыкой не

сопровождается, внимательно выслушивается присутствующими. Певцы выступают без масок и костюмов, иногда меняясь местами, так как поет, главным образом, только стоящий в середине, а остальные подтягивают. Ритм песен разный. После последней песни певцы начинают плясать, но уже под музыку, взяв в обе руки по платку. Сюжеты песен различны: о медведе, богатырях, прошлом и т. д. Пляски приноравливаются к содержанию песен: если поют про медведя, то подражают ему, если про мэнквов (леших) — то им, делая такие телодвижения, какие будто бы делают эти лесные божества. При начале и окончании каждой песни и пляски отдают низкий поклон медведю. Между отдельными сценами пляшут не только мужчины, но и женщины с детьми. Женщины при этом закрывают лицо платком, а руки втягивают в рукава, чтобы не показать медведю голого тела. Руки поднимают и опускают в такт музыке. После показа сцены сначала пляшут исполнители, а затем их сменяют прочие. На празднества совершаются различные гадания с использованием стрел, поднятия шкуры медведя и т. д. Во время представления надевается лучшая одежда.

«Представления, разыгрываемые во время празднества в честь медведя, довольно разнообразны и многочисленны... В последнее время составляются новые, что зависит от умения представляющих. Полагается вообще, чтобы каждую ночь разыгрывались новые сцены, и так как иногда празднества продолжаются двенадцать ночей, то, даже считая по десяти сцен каждую ночь, мы получим большое число — в 120. Из этих сцен в последнюю ночь обязательно берут такие, где выступают действующими лицами боги, которые призываются как бы свидетелями хорошего обращения с медведем. Некоторые сцены в высшей степени неприличны, да и вообще надо сказать, что на этих представлениях допускается решительно все: всевозможные жесты, движения, остро-ты как безличные, так и имеющие отношение к какому-нибудь известному лицу или к кому-нибудь из присутствующих, которые нередко берутся за объект той или другой сцены. Обижаться при этом на артистов нельзя, так как тут они не считаются простыми обыкновенными людьми, а особенными, способными принимать вид того или другого представляемого лица... Во время представлений существует обычай разговаривать публиче с играющими и наоборот».

Далее Гондатти кратко излагает содержание 33 сцен, виденных им.

1. Входят на лыжах трое мужчин, видят собравшихся зрителей, удивляются и спрашивают, что их сюда привело. Один из зрителей отвечает: такой-то убил медведя, шкура лежит здесь же в помещении, все собрались, чтобы отдать убитому последний долг. Пришедшие прикидываются непонимающими, смешивают слова, острят, но, увидев шкуру, бросаются прочь, давя друг друга. Их уговаривают, останавливают, они продолжают дрожать, двое убегают совсем, третий остается, с трепетом подходит к медведю, осторожно целует его в морду.

2. Два охотника, никогда не видавшие медведя, наткнулись на берлогу. Думали, думали, как достать зверя, но ничего не придумали и отправились к умной старухе за советом. Старуха объяснила, как добыть зверя. Охотники вернулись к берлоге, обложили ее деревьями, оставив отверстие, в которое выстрелили из лука, петлей вытащили медведя и сделали все, что полагается в таких случаях. Сняв шкуру, с песнями понесли ее домой. Медведя изображала малица на дубинке.

3. Три брата пошли на охоту. По пути несколько раз колотили младшего: то котел выльет, то собаку убьет и т. д. На месте поставили шалаш и пошли лесовать. Старший нашел берлогу. Младшие не хотели идти на медведя, он их поколотил. Выскочивший из берлоги зверь загрыз среднего, двое убежали, причем младший залез на дерево. Когда угроза миновала, старший стал искать младшего, увидел его на дереве, но тот не хотел слезать. Тогда старший подрубил дерево, младший разбился. Он положил братьев рядом, надул, они ожили и стали плясать.

4. Три охотника с верховьев Оби попали на Северную Сосьву. Охота была удачна. По дороге зашли в селение, где справляли праздник по убитому медведю: народ, музыка, пение. Войдя в дом, всем поклонились, просили примкнуть к празднеству. Началось общее пирование.

5. Человек, не знающий обычаев, бьет медведя по щеке. Публика ужасается, предсказывает ему несчастья, но он ничего не боится, хвастаясь этим. Но вот он испугался и просит у публики защиты от врагов, которые у него бегают между ногами. Публика вглядывается и видит мышь, смеется. Но трус умоляет убить мышь, сознаваясь, что он вовсе не так храбр, как говорил. Публика его прощает, и начинается всеобщая пляска.

6. Входит отец с застенчивым сыном, который всего пугается. Увидев зрителей, хочет убежать, при виде медведя — дрожит. Отец успокаивает его. Сын начинает подплясывать и даже входит в азарт. От радости заплясал и отец.

7. Отец, мать и сын плывут в лодке. Сын увидал на берегу черемуху и попросил выпустить его, якобы по нужде. Подплыли к берегу. Родители наказали скорее возвращаться и не есть черемухи. Сын долго не возвращался. Мать пошла за ним и привела с собой, поругав. Когда отплыли, сын начал жаловаться на боль в животе и умер. Старики начали его продувать спереди и сзади, но не помогло. Старик положил сына в сделанный гроб и понес хоронить в укромное место, исполняя длинную песню (передается ее содержание). Потом опустил гроб, вынул мертвеца, отрубил ему ноги и понес. Но показалось тяжело, и он отрубил туловище по поясницу, в третий раз — руки по локтям, в четвертый раз — голову. Затем бросил все остальное, остался только гроб. Приходит на место, а жена уже там. Захотелось ей взглянуть на сына, а его нет в гробу. Муж делает удивленное лицо и говорит, что, наверное, нуми торум взял его на небо. Жена верит и на радостях начинает плясать вместе с мужем.

8. Охотник на нарте подъезжает к реке, делает запор для ловли рыбы и уезжает. Затем он возвращается к реке и видит богатый улов. Он кладет рыбу на нарты и по дороге домой поет о том, как хорошо ловить рыбу, что он будет с ней делать и т. д. Нарта была представлена доской, а собаки — палками.

9. Идут муж с женой, первый расхваливает вторую, описывает ее красоту и доброту. Жена делает приятное лицо и подплясывает. Затем муж стал бранить жену за то, что она ему неверна, много пьет и т. д. Жена нагнула голову и не поднимала до тех пор, пока ее снова не стали хватить. Так повторялось до пяти раз. В конце стали вместе плясать.

10. Женщина выделявает шкурку соболя и поет о том, как соболю живет, выводит детей, обучает ловить добычу и избегать западни.

11. Молодой человек решил жениться на дочери старика, которая прятала лицо. Гонялся за ней на оленях и на лодке и, возвращаясь ни с чем домой, импровизировал в песне горе. Наконец, обратился к Торуму, чтобы тот ветром сорвал платок с девушки. Бог исполнил просьбу, и жених увидел безобразное лицо невесты. Он быстро поплыл назад, оглядываясь и отплеываясь, насмехаясь над невестой и собой. Под конец поблагодарил бога за спасение от такой жены.

12. Рыболов поставил самоповы и уехал. Появился вор, осмотрел, крадучись, крючки, снял рыбу и тоже уехал. На другой и третий день та же история. Хозяин подумал, что рыба срывается, и на следующий раз приехал пораньше, погнался за воров, один крючок попал вору в зад. Чем больше он бился, тем крючок глубже вонзался в тело. Подъехал хозяин, вытащил крючок, побил вора, заставил платить выкуп за свой позор.

13. Старшина и писарь едут собирать ясак. Много собрали добра на нартах, рлени еле-еле везли, но им казалось мало. Под конец даже стали собирать вотлеп (деревянную стружку). Приехали к охотнику, который дал им соболя, оленя, лосину

шкуру, — все мало. Запросили вотлепу. Рассердился охотник, стал бить вотлепом обоих. Насилу успели убежать.

14, 15 — о ненцах и хантах.

16. Муж делает стрелы, жена — мнет шкурки и приготавливает нитки из оленьих жил, оба поют. Первый про то, как будет добывать зверя, вторая — как будет шить одежду. Кончив работу, пляшут, причем муж машет стрелами, а жена — нитками и шкурками.

17. Три сестры пришли с Малой Сосьвы на Большую — Северную искать женихов. Старшая учит младших, чтобы они не показывали виду, что хотят замуж, а то их не возьмут. Но как они ни старались, прибегая к хитростям, показывая «сокровенные места», принимая соблазнительные позы, толку не вышло. Мужей не нашли, плюнули и пошли домой.

18. Приезжают на низовья Оби с верховьев два богатых татарина. Ищут невест, но никак не найдут. Видят дряхлую старуху и, не обращая внимания на ее года, бросаются на нее, но она успевает ускользнуть. Преследуя старуху, сталкиваются и падают.

19. Входит один человек, видит свою тень, удивляется и не может объяснить, почему она повторяет все его движения, которые он проделывает. Наконец, пугается, просит тень отстать от нее, — не помогает. Кидается на колени, тень — тоже. Убегает.

20. Человек спит в лесу, его кусают комары. Он во сне их отгоняет, делая разные движения, гримасы, вскакивает, протирает глаза, развел костер, снова уснул. Но комары опять надоедают, он просыпается, схватывает головню и махает во все стороны.

21. Зверолов удачно охотится в чужом лесу, убил уже трех соболей. Владелец леса поймал охотника и захотел его убить. Тот умоляет отпустить его, отдает соболей, обещает пригнать оленей, но все напрасно. Хозяин подозревает, что и раньше он здесь охотился. Наконец, охотник соглашается отдать за хозяина дочь без калыма, лишь бы тот отпустил его. Предложение принято, оба пляшут.

22. Отец отправился искать сыну невесту. После долгих расспросов узнал, что в одном селении живет мать с дочерью. Когда пришел к ним, дочери не было дома, но он условился с матерью о калыме. Вернулся домой за сыном и повел его к невесте. Но сын был совершенный дикарь, застенчив. По дороге задавал вопросы: «Это что?», «Это зачем?» и т. д. Видит невеста воду берет из проруби — убегает, видит рубку дров — опять бежит и т. д. Наконец, удалось ввести его в дом и познакомить с невестой. Сейчас же начинается свадьба с плясками.

23. Один человек приводит другого — больного, с опухолями на груди и спине. Не найдя доктора, решается лечить сам. Берет топор, точит, кладет больного и отрубает обе опухоли. Больной выздоравливает и вместе с «доктором» начинает плясать.

24. Два тобольских купца и остяк.

25. Двое вносят покойника очень большого роста вследствие того, что у него маска прикреплена к длинной палке, продетой сквозь малицу. При помощи этой палки производится движение мнимой головой. Принесшие труп покойника в разных местах брызгают живой водой, оживляют его и все на радостях пляшут. Затем дают ему нюхать табак, отчего он снова умирает. Опять оживили, опять обнюхался и т. д., до 3-х раз. Наконец, живая вода кончилась, и он умер окончательно. Его похоронили со всеми обрядами, устроили празднество в честь покойного, сопровождаемое танцами.

26. Один человек изображает березовый пень, другой подходит к нему и делает разные движения, которые «пень» повторяет (подобно сцене с тенью). Под конец у пня обнаруживаются руки, ноги, голова, то есть он превращается в человека, пляшущего с другими.

27. Охотник наткнулся на мэнква, стоявшего неподвижно, так что нельзя узнать — мэнква это или пень. Чтобы разрешить сомнения, охотник говорит: «Если это пеший, то пусть он проделывает все то, что я сам буду делать». Охотник поднимал руку, ногу,

поворачивал головой и т. д., и все за ним повторялось. Сомнения не было — это мэнкв. Охотник бросился на колени, стал просить пощады, обещая принести жертву. В знак пощады и прощения за сомнение, мэнкв повернул голову и с присвистом убежал.

28. Мэнкв с женой входят, свистя и топая, и кланяются медведю. Затем берут в обе руки по платку и начинают с криком, гамом и шумом плясать. Утомившись — ложатся: муж начинает ласкать жену, пристает к ней; та сперва отворачивается, но потом соглашается...

29. Входят три мэнква, садятся на скамейку, поднимают по очереди правую и левую ногу, затем вскакивают и делают круг, причем, проходя мимо медведя, кланяются ему и свистят. Садятся опять, поднимают правую и левую руку, вскакивают, делают круг. Опять садятся, делают движение головой и повторяют все, что делалось раньше. Затем быстро кружатся на одном месте, хлопают в ладоши и с присвистом убегают.

30. Два охотника ловят сетями уток и гусей, каждый раз вытаскивая их десятками. Объясняют удачу умением подражать крику птиц. Является дочь мэнква и предлагает себя в жены сразу обоим, говоря, что удачной охотой они обязаны ей, так как она загоняла птиц в сети. Оба отказываются, она уходит раздраженная, говоря, что они ее будут помнить. Друзья продолжили охоту, но ничего не поймали. Сидели семь дней, пока еда не кончилась. Пошли домой за провизией, но амбар сгорел. Пошли опять на охоту, но снова безуспешно. Поняли, что бороться с дочерью мэнква им не под силу. Стали ее призывать, но она не явилась. В страшных корчах охотники погибли от голода.

31. Три брата пошли в лес охотиться. Разложили костер, сварили пищу и легли спать. Утром старший сказал, что видел во сне болото, за ним озеро, на озере мыс, поросший деревьями, между которыми стоит дом, а в нем живут дочери мэнква. Братья решили туда отправиться. Пошли и увидели, что дорога точно такая, как ее описал старший (он, оказывается, там был раньше). Испугались младший и средний братья и убежали. Старший пошел дальше один, открыл дверь, дочь мэнква бросилась с ним бороться, но не поборола, признала мужем и пошла за ним. Встретили братьев, которые решили убить старшего и завладеть его женой. Он догадался об этом, стал высмеивать братьев, что они испугались бабы и убежали. Оскорбило это братьев, они стали сваливать вину друг на друга, побранились, стали драться и убили друг друга. Старший брат со своей женой на радостях заплясал и отправился с ней домой.

32. Двое охотников пошли за соболями в знакомые места, где раньше зверя было много. Ходили долго, но соболей не встретили, удивились. Вдруг увидели след, похожий на человеческий, но только больше, и побежали назад. За ними раздался свист, топот, а затем появился мэнкв, загородив дорогу. Охотник выстрелил в него медной пулей и убил. Прошло три дня, в течение которых дочь мэнква ждала отца. Не дождавшись, пошла к нему навстречу. Увидела тело убитого отца, стала целовать, плакать. Увидела убийцу, стала просить оживить отца, предлагая в дар зверей, птиц, рыб, обещая свое содействие и успех. Только когда предложила себя в жены, братья вытащили пулю и оживили мэнква. Дочь рассказала, какой ценой его спасла. Отец поблагодарил ее и согласился на брак. Братья уводят ее и живут как с женой.

33. Два брата собираются на охоту, но берут младшего — дурака. Наконец, он упросил их. Братья велели ему навьючить нарту, но он не мог уложить вещи, как следует. Научили его и отправились в путь. Сами потянули нарту, а дураку приказали подталкивать. Очень скоро устали. Оглянулись назад и видят, что дурак тянет нарту назад. Рассердились и поколотили его. Пошли дальше, но нарта стала вилять. Оказывается, младший толкает ее то в одну, то в другую сторону. Поколотили его и за это. Наконец, добрались до места, велели младшему снег разгрести, а он стал бросать в них; велели дров нарубить — ноги покалечил им; велели в котел накласть (подразумевается, рыбы), а он сходил в него за большой нуждой; велели в котле обед помешать, а он помешал ногой и т. д. Рассердились братья, поколотили дурака и легли

спать без ужина. Он один все съел. На другой день старшие братья пошли охотиться, а младший стал делать сангульдап (музыкальный инструмент). Вечером один брат принес пару соболей, другой — много белок, а младший — хвастливый рассказ, что он так много видел зверя, что у него разбежались глаза и не знал, в кого стрелять. На ужин повторилась вчерашняя история, так что братья уснули полуголодные. Утром братья пошли охотиться, а дурак — сангульдап доделывать. Доделав, спрятал в снег. Вечером старшие похвалились добычей, а младший — рассказом, что видел. На следующий день во время охоты братьев дурак играл на сангульдапе в лесу. Когда прибежал на ночлег, братья уже спали. Потом повторилось то же самое, только младший проиграл всю ночь. Утром братья испугались — не медведь ли его задрал. Пошли искать. Один из них слышит, кто-то играет, и свистом старается обратить внимание другого. Услышав свист, дурак стал прятать инструмент, но присутствующие из публики стали уверять, что это ветер свистит. Успокоился дурак, стал играть снова. Снова раздался свист, но и тут из публики его успокоили, сказав, что это его лыжи скрипнули. Наконец, братья подкрались, схватили дурака и стали отбирать сангульдап. Сначала он не отдавал, но потом уступил. Принялись старшие братья играть, но у них не получилось. Попросили младшего и под его музыку все заплясали.

Н.Л. Гондатти, обобщая описание этих сцен, отмечает неприглядность и однообразие жизни этого народа Севера. «Мало видит он радости и развлечения, а потребность в том и другом у него, безусловно, существует. Немудрено поэтому, что рвется он и мчится за сотни верст на своих быстрых оленях на разные жертвоприношения, на пляски в честь медведя и тому подобные случаи, где его можно видеть таким, каким он является на самом деле, когда он никого не боится и когда делает лишь то, что захочет».

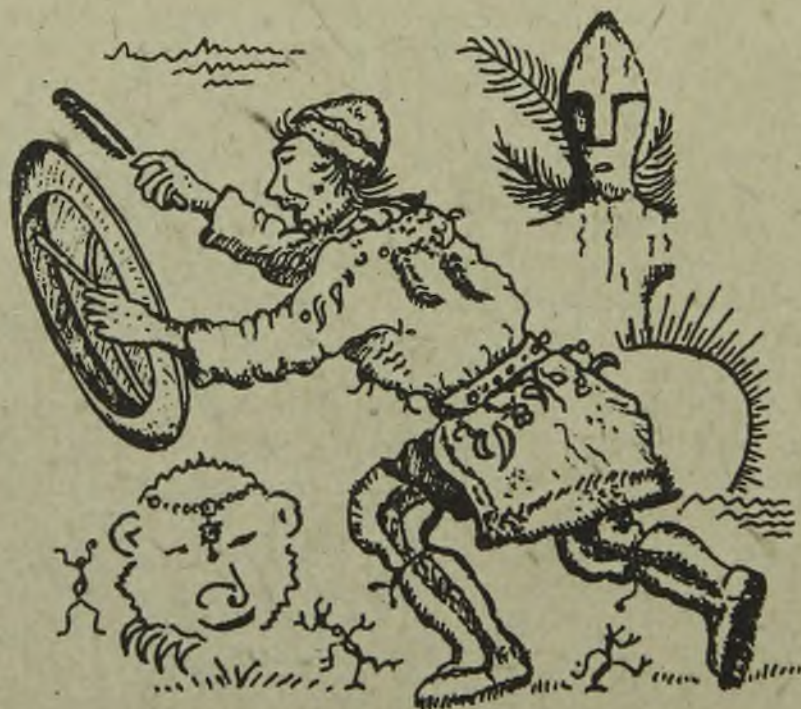

Рис. П. Бахлыкова

РЕПОЛОВО В 30-е ГОДЫ

Село Реполово находится на левом берегу Иртыша в 83 километрах выше Ханты-Мансийска. Раньше оно было большим, до 3-х километров в длину и в ширину до одного километра, располагалось по обоим берегам речки Еловая, которая с весенним паводком разливалась и стояла полноводной почти до середины лета. По протоке ходили катера и путейские пароходы, сокращая в 2 раза путь до старого устья Конды. Осенью протока обсыхала и лишь оставались с водой одни омуты. Теперь этой речки уже не стало и нет ее признаков по причине отсутствия весенних подъемов воды и постройки водохранилищ в верховьях Иртыша.

По воспоминаниям старожилов, здесь обосновался один рыбак по имени Репко, поэтому и село стало называться Реполово. Почти половина его жителей носила фамилии Сургутских, Пластининых и Худяковых. В селе насчитывалось до 300 — 350 домов, среди них были и двухэтажные. Ниже Реполово, в десяти километрах против старого устья Конды была деревня Реполовские Юрты, где в основном жили ханты. После укрупнения колхозов этой деревни не стало.

Реполово тогда было районным центром, председателем РИКа был Чащин. Здесь располагалась тарифная пристань, через которую шла перевалка грузов, следуемых на реку Конду. Пристань была обнесена забором, имелись склады.

Село Реполово в 30-е годы

Чтобы пройти к пароходу, необходимо было приобрести перронный билет, который стоил 15 копеек. Весь штат пристани составляли ее начальник Мечев, приемосдатчик, три матроса и кассир. После Мечева начальником стал В.Ф.Шухов. Сын его Анатолий сейчас работает деканом в Омском филиале Новосибирского института инженеров водного транспорта. Реку Конду обслуживали два небольших парохода, сначала «Омич», затем «Баррикадист», которые занимались перевозкой пассажиров и грузов.

В приречном районе стояла церковь. В праздничные дни, особенно в пасху, был слышен приятный, мелодичный перезвон колоколов, который создавал хорошее настроение, а когда в тайге терялись охотники, звонили редкими ударами.

В селе была семилетняя школа, в которой учились дети из Цингалов, Батово, Заводинских и Реполовских юрт и Реполовского совхоза (сейчас поселок Сибирский). Реполовский совхоз образовался в период массовой коллективизации.

Река, подмывая левый берег, ушла в глубь села на два километра. Сейчас осталось не более 30 — 40 домов. Население раньше занималось рыболовством, охотой и домашним хозяйством. Держали много скота, каждый имел от 2 до 15 лошадей, 2 — 3 коровы, 10 — 15 овец. Зимой лошади обычно ходили в ямщину (обоз). Для хозяйства — привезти сена, дрова — оставляли одну, а то и две лошади. Ямщики везли в Тобольск рыбу, пушнину, а оттуда продовольствие и материалы. Дорога проходила недалеко от нашего дома, и я хорошо помню, как обозы шли часами. Были постоянные дворы, опознавательным знаком которых служил пук сена на длинном шесте. Почту и пассажиров возили на лошадях в легких кошевках. Этот транспорт назывался «веревочка». Летом лошадей отпускали на волю, и они паслись до глубокой осени. Коров, овец выпускали на пастбище без пастуха.

День прибытия парохода в деревне был как праздник, все бросали работу и шли на пароход, хотя и дела никакого не было. Если гудок парохода был коротким, это значило: долго стоять не будет. Продолжительный гудок обозначал, что предстоит выгрузка и стоять будет долго. Я впоследствии, когда работал капитаном парохода «М.Калинин», эти сигналы — длинный или короткий гудок — строго соблюдал. Придя на пристань к прибытию такого парохода, торговали рыбой свежей, соленой, копченой, молоком свежим и топленным и другим товаром. Картофель стоил 20 копеек ведро, стерлядь копченая крупная — 25 копеек штука. Народу всегда было столько, что пробивались к сходим с трудом.

В селе был клуб, где шли кинофильмы и работала художественная самодеятельность. На берегу Иртыша в летнее время на площадке (называлась «Полянка») всегда собиралась молодежь, были танцы, игры. Никаких хулиганских выходок не было.

А.Сургутсков
Рис. автора

Леонид Мартынов

Детские грезы

(отрывок)

... Иртыш привлекал меня не столько как место для купания, собирания камней или ловли рыбы, сколько как приют кораблей. Великанши-баржи, когда их извлекали на берег для ремонта, казались мне Ноевыми ковчегами с библейских иллюстраций Доре. А с каким восхищением смотрел я с железного моста на пароходную пристань в устье Оми, на стоящие у дебаркадеров белые, пахнущие чистым паром пароходы «Европа», «Азия», «Витязь», «Баян», «Михаил Плотников», «Феликитата Корнилова», «Андрей Первозванный» и, наконец, «Товариар», носивший на кожухах копес это эфффектное, уже вполне в духе двадцатого века телеграфное сокращенье названия товарищества пароходства и торговли. Это были двухпалубные пассажирские суда, но часто с иртышских верховий с озера Нор-Зайсан и чуть ли не с границы Китая приходили и однопалубные, мелкосидящие товаропассажирские пароходы. И наоборот, с низовьев Оби, чуть ли не с Карского моря, изредка поднимались до Омска черные, высоконосые, с мачтами, приспособленными для ношения парусов, служебные и купеческие кораблики, названий которых я не помню. И если прибавить ко всему этому еще и осенние плоты с арбузами из-под Семипалатинска, то все это вместе взятое и явилось тем, что в словаре Павленкова было охарактеризовано одним скупым словом: пристань.

Что же касается другого энциклопедического сокращения: ж.д. — скажу лишь одно: Омский железнодорожный узел был знаком мне как пять пальцев. Я провел первые годы жизни в служебном вагоне отца и знал каждую водокачку между Челябинском, Омском и Каинском. И позже, когда отец перестал разъезжать по линии и осел в городе как техник-строитель, я часто бывал с отцом то на вокзале, то в паровозном депо, то за рекою в Куломзино, где возвышался элеватор, казавшийся мне похожим на какой-то сверхгигантский средневековый замок. Помню громадные паровые мельницы. Помню и далеко уходящий в ковыльную солено-озерную степь треугольник запасных путей за поворотным кругом, помню тупик, где я любил лазать на паровозы. Лазать на паровозы было любимейшим развлечением моего детства. Я любил сопровождать отца, идущего по своим строительно-техническим делам в товарные пакгаузы, через которые проходило все, в конце концов попадающее в городские магазины. Любил встречать поезда, особенно товарные. Ведь все, что появлялось в городе, прибывало по железной дороге — и сельскохозяйственные машины, и автомобили, и покомобили. Даже аэроплан летчика Васильева, взлетавшего, кажется, в 1912 году с ипподрома, прибыл на железнодорожной платформе. Как же мне было не любить железной дороги, на которой я вырос, этой железной дороги, возглавляемой красноколесными металлоголосыми локомотивами. Я очень увлекался ими, я рисовал их, играл в них, я даже сооружал зимой их подобия из снега. И отец, пелея мечту, что я стану уж не техником, как он, а инженером путей сообщения, купил мне однажды прекрасный разборный атлас локомотива «компаунд». И я сказал отцу, что, может быть, и стану инженером, если не стану морским капитаном.

(«Воздушные фрегаты»)

Сказки кондинских манси

Медведь и женщина

Жили-были старик со своею старухой. У них было три сына. Отец их умер. Остались сыновья жить с матерью. Жили они плохо, бедно. Мать говорит однажды:

— Пойду-ка я, старая, ягоды собирать.

Ушла она в лес за ягодами и заблудилась. Вот уже неделя прошла, а ее все нет. Народ собрался. Стали ее искать, из ружей стреляют. Плачут ее сыновья. Пиво намешали, уже поминки по ней отвели. Вдруг собаки залаяли. Один мужчина вышел на улицу и слушает. Собаки куда-то лают. Видит мужчина: в чистом поле стоит старуха. Тут он закричал ее сыновьям:

— Эй, мужички, идите на улицу! Ваша мать идет и в руках бедро мяса несет!

Все выскочили на улицу, свистят, кричат, бегают, радуются. Один из сыновей за мать ухватился, плачет. Мать ему говорит:

— Сынок, не плачь!

В дом вошли, сын спрашивает ее:

— Где ты была, мама?

— Заблудилась я, сынок. Есть хочу.

Мать села есть и рассказывает:

— Вот, сынок, села я на кочку. Смотрю в лес. Что-то черное виднеется, ко мне приближается. Я боюсь. Ко мне подошел медведь. Сел, лапу свою положил на мои колени и показывает. Я посмотрела на его лапу и вижу: в лапе заноза сидит. Вытащила я ее. Медведь поднял лапу вверх, погладил мое плечо и говорит: «Ты посиди здесь!» Сам он ушел в лес. Я сижу. Вдруг вижу, медведь обратно идет и несет мясо. Положил он это мясо мне на колени и говорит: «Вставай, иди домой!» Лапой своей показал и говорит: «Этой дорогой иди! Мясо домой носи!» Пошла я, оглянулась назад и вижу: медведь машет лапой. Я ему головой кивнула. Недолго шла и вскоре домой пришла.

Записала Е.А. Кузакова в д. Левдым Кондинского района в 1955 году от Нертымовой Александры Евдокимовны, 77 лет.

ГЛУХАРЬ

Живет в наших местах глухарь. Птица древняя, лесная. Каждый зимний вечер, когда солнце начинает цепляться за макушки деревьев, глухарь — красные брови, могучие крылья, лохматые ноги — ныряет в снег и, поеживаясь от холода, думает: «Эта ночь последняя в снегу. Завтра же срублю избушку. Что же это я — все в снегу да в снегу.»

Наутро взлетит из снеговой перины на самое высокое дерево, встряхнется, осмотрится кругом, поймает солнечный луч и сразу же забудет ночные думы.

Зимний день короток, а дел много: и березовых почек надо поклевать, и вкусных хвоинок надо найти, свои владения осмотреть, к соседу слетать. И так всю жизнь. Зимой, ныряя по вечерам в снег, решает глухарь наутро избушку себе рубить... Да так и до сих пор не срубит.

— У него глухарина голова! — говорят у нас в народе о человеке, который много мечтает, много говорит, да ничего не делает.

Записала и обработала О. Кошманова со слов Вискуновой Любови Филипповны, 1906 года рождения, д. Учинья Кондинского района.

Ольга Тапит

Почему ерш в синяках

Жили да были в одной речке ерш да налим. Жили по соседству, но каждый в своем омуте. Дружно жили, друг к другу в гости ходили. Да только обидно стало ершу, что его друга налима все любят, все уважают, все почитают, а его, ерша, никто признавать не хочет. Никому он не нужен. Колючий, хвастливый, ершистый да к тому же еще и сопливый.

Думал, думал ерш и придумал. Оказывается, его друга налима все за сеннек-печень любят. И вот однажды, когда его друг налим крепко спал, а налимы большие любители поспать, подкрался ерш к нему и успел откусить кусочек сенька-печени. Да только тут проснулся налим и давай бить ерша за такое воровство.

С тех пор ерш в синяках и живет, но с небольшим кусочком печени, что успел откусить у налима.

Не верите? Посмотрите сами. Так оно и есть.

Только с тех пор налим и ерш рассорились и никогда не живут вместе.

Рис. А. Мухаметовой

ТАБУ (БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ)

* * *

За гранью чистых небес
Кто-то прозрачный
Пускает по ветру
Сон.

И появляется облако.

А.М. Коньковой

* * *

Белые дожди
идут вдали.
В белых травах
заблудились птицы.
Хочется,
им хочется напиться,
Только их на жажду
обрекли...

Здесь у нас безумная
жара.
Не спасись от этого,
не скрыться.
И уныло кружат вечера
Над болотной,
ржавою водицей.

Только помню,
помню, как вчера
Плакала
неведомая птица.

НУЧНОЙ СОНЕТИ

Молчит весь мир. Задумчиво и свято
Молчанье возникающих теней.
Хранит седой багульник сны зверей,
И ветви тала никнут виновато.

Сны серых птиц воздушны и крылаты,

Сны синих рыб лежат луной на дне.
За формой суть весомей и видней, —
Иной рукой мы сброшены когда-то,

Осколки звезд — с холодной высоты.
И значит души наши — сочетанья
Огнеборенья солнца и молчанья
Разверзнутой и гулкой пустоты...

И странное, особое звучанье
Во всем живом угадываешь ты.

ДВУСЯТНИЦА

1.

Меня забудет этот лес,
Мой след уже во мхах исчез,
Мой глаз уже упал в траву,
А руки сквозь стволы плывут,
А пальцы взял в тиски туман,
И кровь стекает в океан
По руслам змеетелых рек,
Опередив напрасный век...

2.

В блокноте осени листы
Исписаны до пустоты,
А образ вытянут строкой,
Как тонкий журавлиный строй,
Едва достигнувший черты.
И что к нему добавишь ты —
Холодный слог, мишурный блеск...

Меня забудет этот лес.

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Молчанье. Звуки облаков,
Скребущих телом
Небес прозрачное стекло,
Окаменело
Пространство. Верной белизной,
Без очертаний,
В морозном воздухе одно
Плывет молчанье.

И ты — молчи, будь далеко,
Я не услышу,
Как беспечально и легко,
Не здесь — ты дышишь.

Так скоро заметет следы
Упругий ветер...
И — пустота, и стыннут льды
Над здешней Летой.

АЛАТЫРЬ

На море, на Окиане есть бел-горюч
камень Алатырь.

И взгляд луны, и отцвет золотой
В пыли шкапов, среди молчаний зыбких,
Где демонов свинцовые улыбки,
И полночи умышленный покой.

От юга к северу, от омота до звезд
Тоскует евразийское пространство,
Жгут нефть на западе, восток вбивает гвоздь
В живую плоть. Кругом — костры да танцы...

Се — кончен век, и счет к нулю свели, —
Герои в цурцуре, еретики — распяты.
И к новому пределу корабли
Спешат со смирной, ладаном и златом,
Пока ты дремлешь на краю земли,
И долго воеет на луну собака.

УБОЮЕ

Бредут безрадостные дни,
Хромают сумрачные годы,
Горят мосты. А мы — одни,
Все те же пасынки природы.

Но вот вопрос: «Кто ближе всех,
Без подлых мыслей, — ближе к небу?..»
И плавится беззубый смех
Над коркой высохшего хлеба.

Разговор с родной землей

Таково по сути содержание недавно вышедшей книги известного хантыйского поэта Романа Ругина. В целом о его творчестве можно говорить много и долго, оно давно заслуживает специального исследования. Я более трех десятков лет знаю автора как талантливого поэта и прозаика, самоотверженного патриота Севера, тонкого знатока его природы, а также истории, языка, фольклора, обычаев своего хантыйского народа.

Изъездив вдоль и поперек родной Шурышкарский район, он некоторое время работал в другом таежном районе Ямапа — Пуровском. Затем Салехард, поездки по всему округу. И, наконец, Москва, где член Верховного Совета СССР Р.Ругин на деле учился защищать интересы северян, познал внутренние пружины парламента, правительства и московских коридоров власти. По возвращению он недолго находился на теплом аппаратном месте, а целиком отдался созданию первого в истории округа журнала «Ямальский меридиан», который выходит с осени 1992 года.

Такая школа общественной деятельности, а, значит, общения и позволила Роману Ругину выступить в новой книге в несколько другом качестве. Он, как и раньше, восхищенный певец Севера, но он уже и серьезный поэт-эколог, защитник родной природы, поруганной бездушными наемными солдатами индустриализации. Он поэт-философ, размышляющий о новых реалиях жизни, оценивающий их в сравнении с заветами предков, со старым, вроде бы патриархальным, но мудрым, выверенным веками укладом быта северных народов, их отношением друг к другу и к Матери-Земле.

Философское начало вынесено и в название сборника — «Многодумная Обь». Великая Обь для поэта — не просто река жизни материальной, река-кормилица, не просто течение воды, но и река жизни духовной, течение времени, аккумулятор истории, несущий из веков отпечатки событий, дум и судеб людских. И кажется, автор интуитивно понимает и реально ощущает то, что ученые доказывают экспериментально — особые свойства воды как носителя информации, когда пишет, что «добра исполненные мысли сами по реке плывут ко мне».

И не только по воде. Понятие «Многодумная Обь» — для поэта более широкое. В действительности он ведет разговор со всей родной землей, ее прошлым, настоящим и будущим. Трудно, почти невозможно как-то систематизировать стихи, хотя и пытались в недавних школьных курсах литературы делить на «чистое искусство», «гражданские мотивы» и т.д. У Р.Ругина в сборнике их можно приблизительно сгруппировать по источникам образов и мыслей, по местам и поводам раздумий поэта.

Общий настрой книги выражает, пожалуй, заглавное стихотворение «Родная земля». Поэтично перечислив важнейшие наставления предков, как «нашу землю вечную беречь», автор восклицает:

«Отчая земля, леса и недра!
Я всегда перед тобой в долгу.
Ты всегда мне помогала щедро —
Чем тебе сегодня помогу?»

Прежде всего, конечно, поэтическим словом — «на каждый тихий зов природы я отзывался трепетом струны», — как бы доверительно сообщает нам автор.

Один из главных стимуляторов творческого вдохновения Романа Ругина, на мой взгляд, именно зов природы, зов Родины, его исторические и этнические корни. Если Тургенев называл вдохновение «приближением Бога», то здесь создается впечатление, что духи предков сами порой кое-что надиктовывают поэту и он в этом признается: «Но живое дыхание Родины малой... и оттуда, из небытия, помогает».

Не случайно во многих стихотворениях он обращается к «преданиям старины глубокой», размышляет о характерных чертах хантыйского народа, его языке, обычаях, быте, мудрых советах-заветах. Достаточно лишь перечислить о многом говорящие названия некоторых опубликованных в сборнике стихотворений этого цикла: «Зов предков», «Есть обычай добрый у народа...», «Приметы», «Советы отца», «Руки мамы», «Язык ханты», «Совет старейшин»,

«Молитвы хантов», «Медвежий праздник», «Как измерял мой предок расстояния» или «Здравницы» (вспомните тосты Р.Гамзатова).

Рассмотрим одно — «Добрый наказ». «Бери богатства (лесные — Н.П.) осторожно, с края», — советовал предок, который «никогда кедровой шишки ради живой зеленой ветки не ломал... и в ствол живой, налитый вешним соком, не всаживал напрасно топора», который берег лес, «ненужным треском тишь не оскорбляя». И ему откликается автор:

«И я тебе, тайга, пропасть не дам!
Все сохраню, что было сердцу любо,
Роскошную твою живую шубу
Не разрешу попортить, не продам».

Но, пожалуй, больше всего оригинальных поэтических образов и авторских осмыслений увиденного связано с конкретными местами, священными для поэта и вложенными в названия стихов: «Имя родного селения» (Питляр), «Берег детства», «Речка Питляр», «На реке Шум», «Бывшее селение», «Заброшенная дорога», «Если я не вижу долго твой простор, мой край любимый...», «Собачий лай»...

Возьмем лишь триптих «Берег детства». Сколько же ярких сравнений вызвал этот берег в воображении поэта, кроме уже процитированного основополагающего, что «мысли сами по воде плывут ко мне». Вот стоят кедры, «бросив небо на плечи небрежно», на них «миллионы шишек как созвездья», а вот «молодые тальники крадутся по мискам испить живой воды», из нее «островок берез огромной нельмой словно выплывает», а река покачивает «на мелях облака как профили гусей». Признайтесь, вы уже где-то встречали подобное? Естественно, нет, как и особую окраску многократно описанного на многих языках бросания детьми плоских камешков в воду: «Камешки скакали и плясали, а потом скрывались как нырки».

Чтобы оценить, все это надо видеть, самому побывать на тех местах. Еще весной 1956 года мне довелось ступить на берег детства поэта на речке Питляр, с высокого мыса от уже бывшего селения Ханты-Питляр увидеть необъятный простор Ханты-Питлярского сора, пройти через лес по той заброшенной дороге. А сколько потом приходилось видеть насильно заброшенных поселков, из которых по приказу свыше «все люди увезли, собачий лай — и тот с собой как будто прихватили.»

И здесь уже вступает в силу другой закон творчества, сформулированный Паустовским: «Писателем может быть только... тот человек, который видит многое, чего остальные не замечают».

Это свойство автора подчеркивают и другие «блоки» стихов, особенно связанные с временами дня, года, жизни поэта, явлениями природы, космосом. Вот только некоторые из них: «Утром», «белая ночь», «Ожидание весны», «Весенний ручей», «Ледоход», «Гром», «Месяц-листопад», «Ледостав», «Мелодии снежинок», «Метель на ладони», «Тучи», «Северное сияние», «Огонь», «Дым костра», «Солнце», «Звезды». Лейтмотив их — вечность и красота природы, ее очистительная сила.

В стихотворении «Ночью» автор видит «небо в созвездьях ночных — будто на шкуре оленьей тысячи пчел золотых!», видит, как «путь простирается Млечный, высланный нежной икрой», и обобщает: «Варево колдовское варится в звездном ковше. Чувство добра и покоя. Чисто, светло на душе»...

Не меньше образов-находок и мыслей-озарений в стихах, посвященных нелегкой, но романтической жизни таежников-охотников, оленеводов, рыбаков и среде их обитания — лесу. И опять только названия некоторых: «Родимый лес», «Березовая роща», «Лесные тропинки», «Глухарь», «На охоте», «В ожидании зорьки», «Обские рыбаки», «Путина», «Загар», «Живун», «Подледный лов», «Строганина», «Тройная уха»...

Не могу не сказать, что автор не обошел и воспетый многими литераторами парус. Кого и куда он только не мчал и какие разные вызывал ассоциации? Роман Ругин и тут нашел свое, оригинальное. Он пишет о парусе в четырех стихотворениях. «Парусные ветры», которых когда-то с мольбой ждали рыбаки, и «Под парусом», мажорная песня молодого человека, догоняющего любовь в парусной лодке, которая «легче резвого оленя мчится по реке», — передают личные ощущения автора.

Печальная «Элегия» вселяет авторское чувство грусти, и мы вместе с ним жалеем парус, потому что «завернут небрежно, лежит он в амбаре, свой век доживает никчемно, бескрыло... И рыбы чешуйки, как светлые слезы, еще до сих пор серебрятся на нем».

«Старый парус» — одновременно и воспоминание, и гимн: «Как розовел ты над волнами, лоя полотнищем зарю!... Как ветер схватывал ты ловко в свою широкую ладонь!... Как трепетал ты, напряжен, лучами солнца обцелован и влажной пылью освежен!» Автор благодарит его за то, что немало рук уберег от ссадин и мозолей, и «весть доставил нам когда-то о том, что кончилась война». Но парус, парусные ветры нужны поэту и сейчас: «Искусству двигательной силой пусть будет парус — не мотор!»

Стихи, связанные с войной, армией, борьбой за мир, также имеют свое место в книге. Среди них и личные воспоминания о военном детстве — «Месяц дробления костей», «Дети войны», «Был ростом я не выше, чем копна...», «Память о войне», «День победы», «Охраняю сны» и более поздние размышления — «Проводы сына в армию», «Старик Кириллыч», «Ветеран войны».

Закончить обзор уместно, наверное, стихами, в разной степени обобщающими думы поэта о земле, жизни и творчестве. Сборник большой, более 150 стихотворений, и вновь придется ограничиться лишь перечислением: «Разговор с родной землей», «Мой народ», «Дорога жизни», «Мольба природы», «Земля моя, ты чахнешь на глазах», «Человек с природой шел в сражение», «Думы наедине с собой», «Дума в непогоду», «В куропаткинском чуме», «Земляки», «Друзья», «Недругам», «Доброта», «Дыхание», «Глаза», «Красивая женщина», «Я слагаю песни, я ищу»...

Именно по этим произведениям прослеживается творческий путь автора от «простой» лирики, с проявлением так называемых гражданских мотивов (к счастью, — не грубой публицистики) к лирике медитативной — с углубленными и целенаправленными размышлениями. Т.е. от отвлеченной созерцательности к философской и социальной конкретности. В этом ключе можно было бы разобрать любое из перечисленных и неперечисленных стихотворений. Но беру наугад маленькое, 16-строчное — «Живун».

Родник все:о... Но каждой каплей он
Сражался против затхлости и гнили!
И рыбы шли к нему со всех сторон —
И, радуясь, его благодарили.
Я думаю: мы — люди, мы сильны,
Но жизнь подчас и к ним весьма сурова.
О как же в этой жизни мы должны
Беречь любую капельку живого!

Набор и верстка книги сделаны в компьютерном цехе окружной газеты «Красный Север» (г.Салехард), напечатана она в московской типографии фирмы «Нефтегазстройинформреклама». Переводчики с хантыйского языка И.Фоняков, В.Кочетков, А.Романов, А.Руденко.

Н.Патрикеев

Рис. А. Мухаметовой

Хантыйские изделия из бисера

В настоящее время бисер, пожалуй, самый распространенный материал, используемый для украшения изделий. Наибольшую популярность изделий из бисера получают в традиционной среде у хантов р.Тромь-еган и р.Юган, а также среди хантыйской молодежи, перешедшей на современные условия жизни.

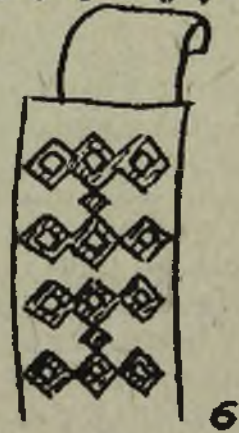
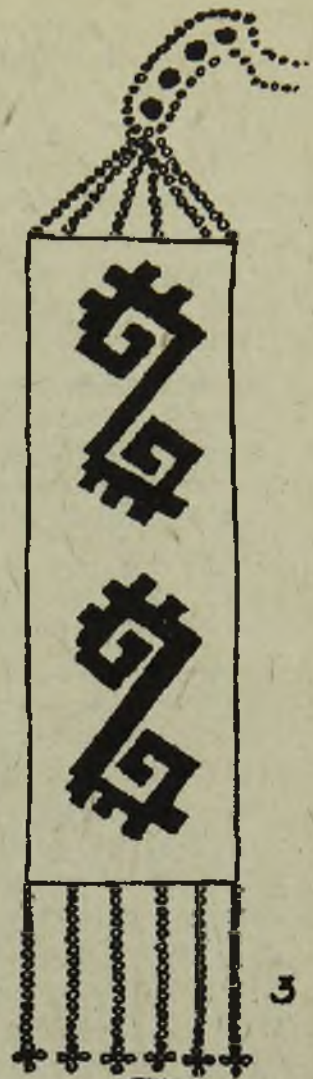
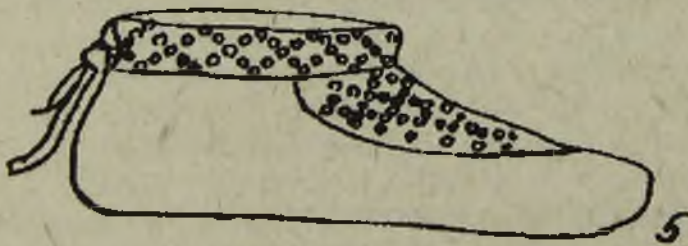
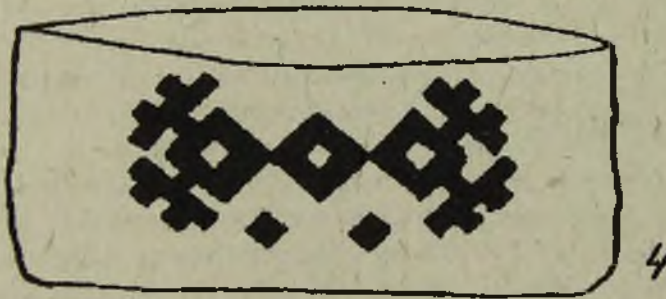
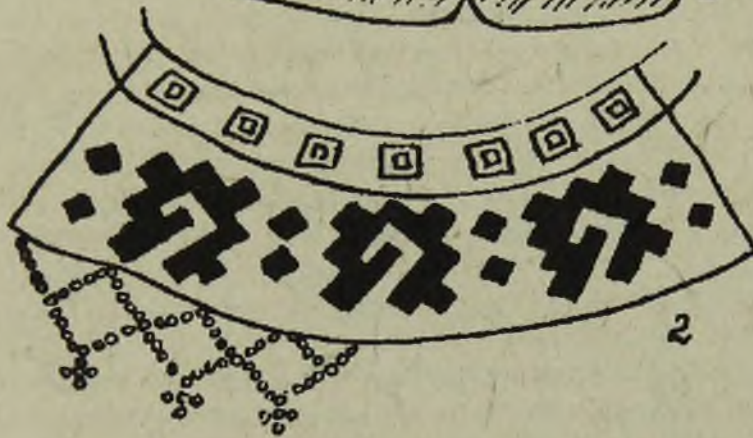
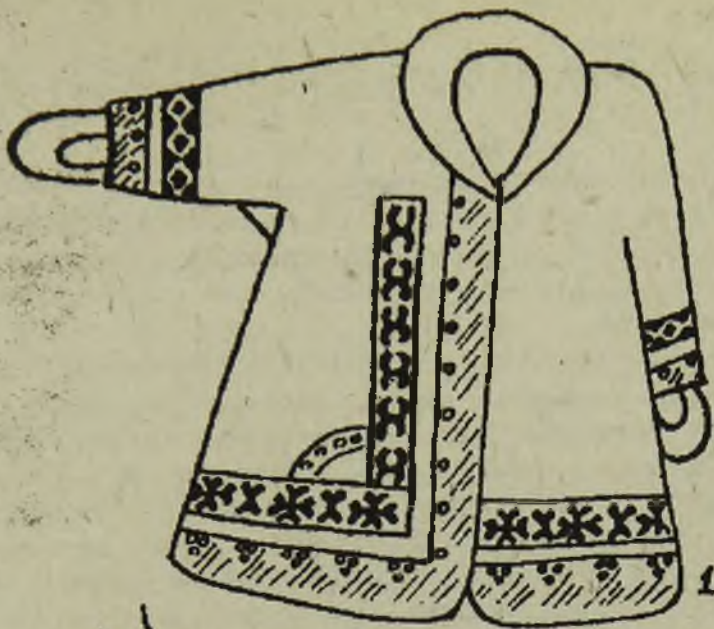
Ввиду такой его популярности мы подробно рассмотрим традиционные бисерные изделия хантов, а в дальнейших публикациях опишем техники нашивания и низания бисера, чтобы желающие могли сами попробовать свои силы, приведем орнаменты, выполняемые из бисера.

Бисер не является традиционным материалом для хантов, и пути его проникновения к ним пока еще таят загадку. Разгадка ее — дело будущего, для этого нужно подробно знать технику изготовления бисерных изделий и набор применяемых узоров не только у хантов, но и у других народов, соседствующих или уже не соседствующих с ними.

В настоящее время наиболее широко бисер применяется при изготовлении полосок для суконной зимней верхней одежды сака (рис. 1), для низания нагрудников (рис. 2, 3), поясов (рис. 6). Нашивается бисер на *ниры* — женскую башмаковидную обувь (рис. 5). Популярными становятся изделия современной формы: кошельки (рис. 4), браслеты для часов, различные кулоны.

Традиционный хантыйский нагрудник бывает двух форм, в одном случае он называется *мевл сак* (букв. груди бисер) (рис. 3), в другом случае — *тур лож* (букв. горла лоскуток) (рис. 2). Нагрудник первого типа — это две соединенные между собой полоски низанного бисера, примерно по 25 см. каждая (рис. 3). С нижних концов полос свисают цепочки из бисера в одну или две нити. Одевают такой нагрудник на шею, его полосы свободно свисают вдоль груди, иногда они соединяются между собой перемычками. Второй тип нагрудника — это нашейное украшение, дополнительным их украшением, как правило, являются ажурные сетки с треугольной, квадратной или ромбической формой ячеек (рис. 2).

Татьяна Молданова

НА ДРОЖЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

В Березово мы дождались Володю Семерикова — сына Филатыча, заканчивающего Уральский лесотехнический институт. На судно он зачислен в качестве гардемарина: двухметровый детина очень пригодится нам во время осенних штормов. Теперь можно уходить в Большую Обь, что мы и сделали за три перехода при хороших ветрах.

В ночь на 28 августа наблюдали впервые в этом году северное сияние. Ночью в рубке тепло, но донимает конденсат: он так и сочится по стенам, отчего все вещи по утрам становятся волглыми. Чем ближе к концу навигации, тем чаще на меня накатывают раздумья о предстоящей зиме и вообще о предвидимом будущем. Еще весной по Институту разнесся слух, что я перехожу во вновь организуемый Институт экологии Волжского бассейна на какую-то номенклатурную должность. Вообще-то я считаю, что не те времена, чтобы под каждую новую проблему создавать новый институт. Для этого в большинстве случаев достаточно использовать мощности имеющихся институтов, разумно видоизменив их тематику, подчинив ее запросам новых основополагающих и перспективных идей. Но сама постановка вопроса в данном случае мне нравится: не экология растений, не экология животных и даже не экология человека, а именно экология водосборного бассейна (неважно какого) как естественного территориально, исторически и функционально единого подразделения биосферы. А вот к номенклатуре у меня не лежит душа. В эпоху «индустриальной технологии научного производства» мне хотелось бы использовать все преимущества индивидуального творческого поиска...

В Казым-Мысе мы стали на ночевку носом в берег, за что и получили наутро жестокую трепку. Вчерашний мертвый штиль с дождем к семи часам утра сменился штормом. Некоторое время мы еще пытались удержаться против стихии якорем и двурогой «кошкой», но ветер и волны все с большим ожесточением стремились зашвырнуть нас на берег. При попытке уйти мотором отказала свеча, и к тому же на винт намотался лень от «кошки». В конце концов стали носом в берег. Волна бьет в корму и руль, как кувалдой, и заплескивает в кокпит. Завели с транца брезент, очистили винт, наладили двигатель. Все это время наш гигант находился в воде, удерживая яхту, а затем разворачивая ее носом от берега. Не единожды погружался и капитан по грудь, лишь я со своим застарелым плевритом ограничился приемом воды в сапоги. Наконец нам удалось выбраться на глубину и запустить мотор. Да, наш гардемарин сегодня отличился, и мы его срочно произвели в мичманы.

Новая стоянка в устье небольшой речушки оказалась чрезвычайно комфортабельной. Еще на подходе к ней своими глазами наблюдали, как ондатра на берегу пожирала здоровенную рыбку. Вот вам и травоядное животное! Нет, вегетарианство в мире животных очень относительно. Еще на Пелыме мне нынче удалось поймать на блесну язя. А что касается ондатры, то она охотно поедает моллюсков, тем самым способствуя, в частности, распространению описторхоза...

Наши ихтиологи неплохо разобрались во взаимоотношениях между ценными сиговыми и малоценными частичковыми рыбами: при систематическом снижении обводненности Нижней Оби естественное равновесие между ними решительно нарушится в пользу последних. При виде огромных скоплений ворон и чаек мне приходит в голову, что и они, подобно «сорным» рыбам, при новом гидрологическом режиме изрядно потеснят благородных представителей охотничье-промысловой орнитофауны. По утверждению орнитологов, ворона и теперь есть «враг номер один» для всех прочих пернатых... Но множество подобных интуитивных догадок требуется подкрепить ясными и неотразимыми расчетами. Но только и они не производят должного впечатления на технократов, привыкших оперировать миллиардами тонн, кубометров и рублей. По-видимому, в этом деле надо уверенней и активней привлекать на свою сторону общественное мнение. Гласность! Вот чего больше всего боятся заматеревшие чинуши в любой сфере бытия...

От нашей стоянки до устья Оби, т. е. до Обской губы, осталось 540 км., а до Салехарда вообще рукой подать. Впрочем, где оно, это устье Оби? Салехард лежит в начале дельты, но от него до морского траверза Обской губы еще 1094 км., да в пределах Карского моря русло Оби прослеживается на протяжении около 200 км... Надым, Таз и Пур есть по существу притоки Оби. Вот оно какое Нижнее-то Приобье!

Последние два дня лета выдались у нас санитарными. Перестирали свое тряпье и просушили его на жарком таежном костре. Великая вещь — костер! Можно часами таращиться в его зыбкую глубину. Все мы в конце-то концов огнепоклонники. Филатыч обил рубку парашютной тканью, а я вдоволь набегался по тайге.

Я люблю бродить по лесам один. Только тогда действительно все слышишь и все замечаешь. Единственный «жуткий» случай произошел со мной в 1960 году на Волге. Тогда я занимался таксацией лесного массива около нынешнего Тольятти. Надо сказать, что в тот год нам выдали аспидно-черные энцефалитные костюмы. Они и вообще-то в те поры были еще новинкой, а эти к тому же страшно пиняли. Итак, в своем черном балахоне и бритый наголо я шустро скользил по тесной лесной тропинке в сторону дома. Решив подзакусить на ходу, достал из сумки громадный кусок колотого сахара. Разбивать его дальше мне не захотелось, и я невероятным усилием протолкнул его в рот целиком. Сделалось неудобно: рот не закрывается, а извлечь кусок обратно я уже не могу. Кое-как переправил его за щеку: растает же он когда-нибудь... И в этот момент выкатился мне навстречу из кустов мужичок, глянул этак на меня, икнул и сел. Я ему пытаюсь объяснить, что не надо меня бояться, но могу только мычать, вращать глазами и сверкать оскаленными зубами. Тогда мужичок развернулся на четвереньки и взял такой старт, что куда там олимпийцам! И как знать, может быть, оттуда и пошла молва о пришельцах-инопланетянах?

В районе Горок река кишит рыбаками и рыболовецкими плашкоутами. Подходить к плашкоуту не рекомендуется: капитан может поплатиться за это правами. А рыбу вам за водку рыбаки доставят на борт в любом качестве. За неимением водки мы получили свежую нельмушку, весом около 3 кг., просто в подарок.

Около Питляра берег отмельный. Даже моторки стоят на якорях и уходят с места веслами. Мало воды! Трудно представить, как все это будет выглядеть при еще более низкой межени. До Салехарда 120 км. Решили идти вниз по правой несудовой протоке. Имели на ней две стоянки. На северо-западе завиднелся Полярный Урал.

На подходе к Салехарду протока загудела от моторов. Под их рев и заночевали. В переход к Лабитнангам вышли с дождем и при встречном ветре. «Флора» возвращается в свою колыбель и в порт приписки. Честно говоря, у меня в ушах гремел встречный марш, когда мы пробирались вдоль бесконечных пирсов по знакомой тесной протоке с грязнущей водой. Думаю, что в душе капитана звучали золотые фанфары. Внешне же все было очень серо и буднично, и мы с большим трудом нашли место, где можно было бы приткнуться к берегу. наших катеров «Зоолога» и «Науки» на рейде нет.

В Лабитнангах на «Зеленой горке» находится Салехардский стационар нашего Инсти-

тута. Первым делом встретились здесь со своим старым другом Вячеславом Федоровичем Сосиным. Вот бы о ком книги-то писать! Около четверти века живет и работает он в Заполярье, а уж Ямал-то он и вокруг, и вдоль, и поперек протопал. В проклятые старые времена ему бы и наименование соответствующее присвоили, скажем, Сосин-Ямальский.

А нам теперь хотелось пройти дальше по Оби и в Хадыту. Там намечалось очередное рандеву. Но нас все в голос взялись уверять, что из-за малой воды в Хадыту нам теперь не попасть. Мы хорошо представляли обстановку и вполне допускали, что так оно и есть. Тогда мы срочно разработали запасной вариант: пойдём в Лонготъёган, где нам еще не доводилось бывать, там встретим нашего ихтиолога Валерия Михайловича Шишмарева.

Вечером, уже затемно, миновав поселок Харсаим, мы завидели впереди какие-то неподвижные судовые огни. Глянули в бинокль. Что-то очень знакомый силуэт. Никак наша «Наука»! Подошли к ней, так и есть: с полуотбитыми лопастями винта, сломанным пером руля и полузатопленным моторным отсеком «Наука» ползет с низов в Харсаим. Надо заметить, что незадолго до этого рандеву нас крепко боднула в левый борт расшалившаяся подка с пьяными мужиками. Опасны эти игры на Оби! Только в эту навигацию два катера ушли здесь на дно вместе с экипажами. Очень хотелось нам разыскать шалунов в Харсаиме да помять им немножко ребра. Пришвартовались к «Науке», своим мотором помогаем ей одолевая повороты. Филатыч изнемогает от счастья. Еще бы: «Флора» буксирует «Науку»! В Харсаиме и стали на ночлег. Катерникам придется ждать попутного буксира, так как своим ходом им в Лабытнанги не уйти. Ночью в рубку набилось капитанов, как сельдей. Всем хочется послушать рассказы о нашем походе.

Наутро выдался хороший ветер, и капитаны легко уговорили нас прокатить их под парусами. Тут уж мы с Филатычем превзошли себя, демонстрируя молодецкие повороты, изящные крены и прочие свои фокусы. Надо отдать должное капитанам. Чуть ли не вываливаясь за борт, они оставались совершенно невозмутимы. Флот есть флот! Все были довольны, но больше всех, пожалуй, все-таки мы.

Вторая ночь в Харсаиме была очень холодной, а в горах выпал снег. Свежий северо-восточный ветер на глазах превращается в шторм. На тугой и крутой волне переваливаем через Обь, проходим мимо поселка Халасьпугор и попадаем в сильно обмелевший Лонготъёганский сор. Вода в самом Лонготъёгане чистойшая, течение сильное. Вот мы и в тундре. А вот из-за очередного поворота выплетает лодка, а в ней, разумеется, Шишмарев!

Хозяйство у Шишмарева капитальное: изба, кладовые, баня, движок вырабатывает электричество... Только ведь и сидеть им здесь чуть не до нового года: они будут вести сплошной (!) учет сигов, идущих в верховья реки к своим заветным нерестилищам. Сегодня уж поздно, а завтра мы непременно насладимся баней. Кухня у ихтиологов, как всегда, соответствует высшим мировым стандартам.

Назавтра переправляемся на другой берег и уходим в тундру, кто куда. Если в осеннем лесу бывает много светлой печали, то в осенней тундре временами накатывает невыразимая тоска: черные тучи стелются над низким горизонтом: кажется, что именно они загоняют в скудную землю чахлые признаки жизни; Полярный Урал холодно серебрится, стонут чайки над задумчивыми протоками, пахнет сырой стужей и прелыми травами... В такие минуты не надо поддаваться унылым раздумьям и горбиться под ударами упругого ветра, как это делаю я. Тундра щедра! Вот из-под ног с треском выплетает выводок куропаток, а у меня и ружье болтается за спиной. Успеваю все-таки сбить одну птицу. И вот уже кровь пламенеет в жилах. Мир снова прекрасен! Тундра приветлива, и ветер ласков! Пусть ханжи заходятся ненавистью к древнему инстинкту. На узких горных, таежных и тундровых тропах что-то их не видно. А если они и попадают случайно туда, то природа их отторгает с неумолимой и слепой беспощадностью...

После прогулки по зарослям тундровых кустарников в самую жестокую стужу можно выжимать собственное белье, как после генеральной стирки. Но потом, на реке, мороз и ветер покажут тебе легендарную кузькину мать. А здесь имеется редкий случай после всех превратностей обдать себя сокрушительным березовым паром... Нет слов!

Наутро уходим при сыром ветре и сильной дымке. Ставим стаксель, чтобы пропозиционировать Шишмареву, снимающему нас кинокамерой. При таком течении нам достаточно было бы и одним рулем управляться, но идем мотором и стаксель не убираем. Легко, «в струе», прошли сор. Остановились в Халасьпугоре, побывали в магазине, объяснились с аборигенами и с их собаками. Кстати, когда по-мансийски рвякнешь «Пырья!», то и ненецкие собаки начинают вполне дружелюбно обнюхивать твои дырявые сапоги. Впрочем, я подозреваю, что достаточно гаркнуть просто что-нибудь короткое, впечатляющее и властное на любом языке мира.

Потом мы ровно десять часов пробивались вверх по штормовой Оби силой мотора и парусов. Очень неприятный был момент, когда в расходном бачке кончился бензин. Одни паруса против течения тянут плохо, скорости нет, ветер и волна делают с нами почти все, что хотят, а хотят они немало...

Затемно уже благополучно пристали в неходовой протоке напротив Лабытнангов, где и заночевали.

В Лабытнангах вывезли яхту с реки на «Зеленую горку», установили ее на подкладки, обили сверху донизу досками и по доскам еще обтянули черной полиэтиленовой пленкой. Яхта превращалась в монумент, но мы даже еще две ночи в ней ночевали: дико было слышать завывание ветра и не ощущать привычного ритма качки...

В ближайшие дни нам предстоит «коловорачаться» во все более цивилизованном мире. Я давно уже замечал, насколько растерянными, беспомощными и нелепыми выглядят да и чувствуют себя самые brave полевики, выброшенные из аэропорта в яркую, самоуверенную и самодовольную городскую толпу. Этот психологический феномен легко объяснить, но сам переход из положения хозяина в состояние раба обстоятельств может быть чреват даже клиническими эффектами...

После посадки в Березово, пересадок на автобус в Свердловске и на поезд в Челябинске я к полуночи добрался домой. Окончен очередной жизненный этап. Пройдут годы, забудутся мелочи быта, но старая фотография, корявая запись в дневнике или просто порыв ветра нет-нет и разбудят в крови ослепительно яркое и могучее ощущение полного слияния со стихиями в момент парусной гонки. Память, как и природа, не терпит пустоты, и в наших силах заполнить ее красивыми и вдохновляющими страницами.

Пройдено около четырех тысяч километров водного маршрута. Четыре месяца мы вживались в естественный ритм реки и проникались ее непростыми проблемами. Научные результаты оформятся в виде отчетов, статей и книг, осядут в сознании в виде заманчивых идей и услужливого опыта. Время покажет, насколько эффективной оказалась наша наглядная пропаганда экологически чистого малого речного транспорта. Над воображением капитана Семерикова уже властвует образ более совершенного парусно-моторного экспедиционного судна с практически неограниченным районом плавания...

Десятки сотен дней звучит мой монолог.
В своей норе зализывая раны,
Лечусь предощущением тревог,
Живу предощущением буранов.

Гремят за стеной цепи времени.
Я серый гранит повседневности
Пытаюсь расправить дыханием.
И видятся мне в непрогляднейшей темени
Смутные контуры мироздания...

Крылья мои плесневеют под грузом
Чужих и моих заблуждений, но я
Уверен, что будет нужен
Целительный плесени этой яд.

Упругий ветер его раздувает,
По всем уголкам Земли разнесет.
И кто-нибудь, в пропасть метнувшись,
Раскинет руки, но вместо паденья начнет полет...

Итак, в нынешнюю навигацию корабль ушел без меня... Его должны перегнать вверх по Оби, в район Сергино, и там поставить на зимовку. Другие люди спят на моем рундуке и несут штурманскую вахту. Другие ветры дуют в их паруса. И это все будет замечательно! А про меня капитан сказал: «Пусть он пишет книгу!» Не знаю, сделал ли он об этом распоряжении запись в судовом журнале, но книга — вот она! Потому что блистательную морскую дисциплину еще никто не отменял...

Август — сентябрь 1985 г. Миасс

Пуночка

Юрий Гордеев

Осенью 1940 года в Березове мы переехали на другую квартиру, расположенную в новом здании конторы с длинным названием «Рыбколхозсоюз», где работал отец. Контора находилась на улице Сенькина, почти напротив старинной белокаменной церкви.

В первый день после переезда, пробежав мимо этой церкви, я оказался на высоком яру, с которого открывался величественный вид на просторы сосьвинской поймы. С первых минут он покорила меня, я по нескольку раз в день прибегал на яр, чтобы полюбоваться теми изменениями, что происходили в течение осени.

Кончилась зима, и наступила северная весна, теплый воздух топил снега, и первые проталины забурели на яру. В один из апрельских дней, когда я в очередной раз утром выбежал к яру, чтобы посмотреть, не синее ли лед на Сосьве, увидел на проталине стайку незнакомых мне беленьких птичек.

Пуночка на заборе отдыхает.
г. Ханты-Мансийск. Начало мая 1961 г.

Фото автора

Они бегали по старой траве, но не прыгали, как воробьи, и что-то клевали. Любопытство заставило меня подойти к ним поближе, однако птички, заметив мое приближение, разом перелетели на другую проталину. Стараясь рассмотреть их, я побежал следом, и снова, не подпустив меня близко, они перелетели на другую проталину ближе к буераку.

Там я увидел своего школьного товарища первоклассника Сашу Михайленко, которого мальчишки-одноклассники звали на северный манер «Сана». Он присыпал снегом какую-то нитку с белыми волосками. Я спросил, что это такое, — он ответил, что это «спица» — такое устройство с пленками (силками), которым можно ловить этих белых птичек, а зовут их здесь «синьгиры». Он сказал, что уже поймал несколько «синьгирей» недалеко от своего дома и, наконец, он сказал главное: я могу сам посмотреть, как он их ловит. Саша показал мне с яру место лова — точок. Потом мы быстро скатились вниз, прибежали к нему домой прямо к окну, через которое точок был виден хорошо.

День был яркий, снег белел всюду, и лишь точок выделялся своей чернотой, зазывал доверчивых птичек. Время шло, «снегири» не летели, и тогда Сана начал произносить охотничье детское заклинание-призыв, из которого в моей памяти остались лишь четыре слова: «куш науш на проталинку». Прошло еще какое-то время, и на точок опустилась стайка белых птичек. Мы прижались носами к стеклу. Сана даже забыл про свое заклинание. Вдруг он сорвался с места с радостным криком «попались!» и бросился на улицу. Я за ним. По узкой тропинке мы понеслись к точку, и теперь я отчетливо увидел трех птичек, которые раз за разом, пытаясь вырваться, взлетали и падали. Запыхавшись, мы подбежали. Сана одну птичку накрыл шапкой, другую схватил руками, третью схватил я и почувствовал трепетное тельце, близко увидел темные бусинки глаз.

Мы вынули птичек из силков, подсыпали овса, замели снегом нитки на обручѣ и побежали к дому. Добытых птичек Сана положил в сенах на полку, где уже лежало их десятка полтора.

Так я увидел, как охотились березовские ребята на белых «синьгирей», название которых совсем другое — пуночки. Эти птички — единственные из семейства воробьиных, которых ловят для еды на севере, богатом более крупной дичью. Ловля пуночек особенно усилилась в годы войны и позволяла рано весной без ружья, дорогого пороха и дробы добывать мальчишкам дичь.

Основная масса пуночек в округе бывает на пролетах весной в тундру и осенью — обратно, и лишь небольшое количество их гнездится и живет летом в гольцовом поясе гор Приполярного Урала. На глаза они чаще попадают весной по широкому пойму Иртыша и Оби. В иные годы у Ханты-Мансийска пролет начинается в конце марта, но обычно в первой декаде апреля. Если весна на севере бывает без сильных похолоданий, то пролет идет равномерно. Если же прокатываются холода, птички задерживаются у города, и к началу мая огромные табуны ночуют по берегам Иртыша.

Нередко в эту пору можно наблюдать, как пуночки, перекликаясь тревожными трелями, при виде главного своего врага сокола-дербника, разом взлетают с земли в небо. Издалека кажется, что белый вихрь снега, поднятый ветром, несется над землей. Проходит минута — другая, опасность минует, и птички возвращаются на знакомые проталины, и снова создается впечатление, будто снег посыпал с безоблачного неба.

Во время своих странствий пуночки охотно залетают в населенные пункты и там особенно любят отдыхать на широких полянках со старой низкой травой. Нередко приходилось видеть их на городских стадионах, где птички держались по несколько дней и, будучи испугнутыми, взлетали с земли и садились на крыши и заборы.

Весенний пролет открывают старые самцы. Летят они небольшими стайками и, как жаворонки, пробуют петь в воздухе. Вслед за ними устремляются самочки и молодые самцы, образующие смешанные стаи. Пролет идет неспешно от одной проталины к другой с постоянными остановками, чтобы в очередной раз подкормиться, поэтому они, возвратившись на родину, сохраняют значительный запас жира.

Летят, как правило, табунками, и если какая-либо пуночка отстанет, то начинает подавать жалобный посвист, пока не увидит своих спутников. Заметив их, спешит опуститься на землю и сразу приступает к поиску корма.

На проталинках птички совершают короткие перебежки — собирают семена и щиплют неглубокие корешки, вытаскивая их за кончики старых стеблей. Насытившись, пуночки отдыхают всем табунком, чистят оперение, дремлют, прячась от холодного ветра в ямках, за кочками, за пучками старой травы. Проходит день, наступает ночь. Птички остаются в этих же поймах, выбирая только участки с более высокой травой, под защитой которой ночуют. Бывает, снег за ночь засыплет табун, но пуночки не страдают от этого. С рассветом они, стряхнув снег, проворно выбираются наружу и с перекличкой пускаются на поиски корма.

Большие табунки пуночек на весенних пролетах становятся главной приманкой для хищных птиц, которые, как пастухи за стадом, следуют за ними, поэтому пуночкам постоянно нужно быть настороже. Увидев своего главного врага, дербника, табун стремится взлететь выше его: другого спасения у птичек нет! И в этих стремительных взлетах, если больные или уставшие птички отстают от табуна, гибель их почти неизбежна.

В мае снег в поймах исчезает, лишая защиты своим цветом белых птичек от острых глаз врагов, и они держатся возле остатков сугробов, но чаще — на льду рек и озер, причем не боятся, что там выступает тонкий слой воды. К середине месяца основная масса пуночек покидает окрестности Ханты-Мансийска, а передовые табунки достигают Заполярья, где гнездятся.

Здесь, в тундрах, они устраивают свои гнезда не только в береговых обрывах, но и в растущих населенных пунктах. Они заменяют там домовых воробьев, которые в этих широтах не живут.

Гнезда бывают теплые, с толстыми стенками, чтобы холода не тревожили птенцов. Родители первые дни кормят их насекомыми, а потом молодыми семенами и зеленью. Птенцы быстро растут и хорошо переносят холод. В сентябре пуночки отправляются на юг, но не так спешно, как другие птицы. У Ханты-Мансийска они порой задерживаются до ноября, а отдельные стайки из 3 — 5 старых птиц в иные годы зимуют здесь, питаясь на дорогах семенами, выпавшими из сена, и, как воробьи, овсом из конского помета.

Зимой пуночки ведут себя тихо. Благодаря белой окраске среди снега они малозаметны, поэтому встречи с зимующими пуночками бывают редки.

Указатель статей, опубликованных

в №№ 1, 1991 — 12, 1992

ДОКУМЕНТЫ

- Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе. — 1992. — №3.
Концепция развития культуры народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе (республике) на 1992 — 2000 г. г. — 1992. — №8.
О неотложных мерах по сохранению историко-культурного наследия народов, населяющих автономный округ. — 1992. №8.
О чрезвычайной экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе. — 1992. — №7.

«ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ»

- Бердяев Н.А. Слова и реальности в общественной жизни. — 1992. — №10.
Вернадский В.И. «Довольно крови и страданий». — 1992. — №5.
Горький М. Речь на Московском публичном собрании общества «Культура и свобода». — 1992. — №4.
Залыгин С. Партия «зеленых» в багровых тонах. — 1992. — №7.
К духовному согласию. Программа Всесоюзной ассоциации «Мир через культуру». — 1992. — №2.
Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире. — 1992. — №12.
Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человека. — 1992. — №9.
Потанин Г.Н. (Речь на юбилее). — 1992. — №6.
Рерих Н.К. Привет нашим обществам культуры. — 1991. — №2.
Рерих Н.К. Звучание народов. — 1992. — №11.
Франк С.Л. Крушение кумиров. — 1992. — №8.

КУЛЬТУРА. ИСКУССТВО.

- Андреев В.С. Урок — время творчества. — 1992. — №5.
В автономных округах России. — 1992. — №2, 5, 6, 7, 8, 10, 11.
Васильева О. Кто спасет наши души? — 1991. — №2.
Васильева О. Фантазии Натальи Волик. — 1992 — №8.
Волик Н., Константинов В. Космическое и земное. — 1992. — №8.
Воробьев А. Неукорененность. — 1992. — №6.
Гусаков Е. Импрессарио. — 1992. — №2.
Добровольский Д. Театр в Березове. — 1992. — №12.
Из этического словаря прошлого века. — 1992. — №1, 4, 5, 7, 8, 9, 12.
Кабальнова В. На уроке истории. — 1992. — №12.
Кайгородова М. Последняя весна. — 1992. — №11.
Клепиков В. Единомышленники. — 1991. — №1.
Козлова Т. На манеже «Юность». — 1992. — №6.
Кондрюкова А. «Очрашулар» — это встреча с домом. — 1992. — №2.
Константинов В. Ученикам об учителях. — 1992. — №10.
Коняев Н. Не «сокращайте» живую природу! — 1992. — №7.
Корни не должны сохнуть: Анкета. — 1991. — №1, 2.
Костина Г. Заботы архивистов. — 1992. — №2.
Кропотов С. Сакральный первообраз мира. — 1992. — №9.
Мадьярова М.Н., Новикова Н.М. Готовы ли мы к диалогу? — 1991. — №2.
Макух В.Д. Каким быть музейно-этнографическому комплексу? — 1992. — №12.
Мальцева Э., Нялинский Н. Под знаком Торама. — 1992. — №7.
Мкртычев Т. Событие далеко не местного значения. — 1991. — №1.
Молданова Т.А. На стойбище с видеокамерой. — 1992. — №12.
Немысова Е.А. Родждается институт. — 1992. — №4.
Немысова Е., Ракитина Р., Лебедина З. Школа, которая будет? — 1992. — №9.

- Новикова Н., Луцкай Л. Сумма частных = жизнь. — 1992. — №7.
 Няинский Н. Архив Александра Заева. — 1992. — №10.
 Он был, он чувствовал, он жил: Нравственные раздумья сельского учителя А.С.Знаменского. — 1992. — №1,2.
 Пакина Т.К. Библиотека: день нынешний. — 1992. — №8.
 Патрижеев Н. Первые художники и литераторы Югры. — 1992. — №6.
 Патрижеев Н. Первый журнал на Ямале. — 1992. — №12.
 Райшев Г., Константинов В. Подвижный мир гармонии. — 1992. — №9.
 Соломина Е. Пробудить память. — 1992. — №8.
 Хомяков А.Н. Борюсь с беспамятством. — 1991 — №1.
 Хромова А. Найотыр ма — земля предков. — 1992. — №4.
 Чесноков Н. Чувство прекрасного. — 1992. — №10.
 Шабалина И. Собиратель и творец. — 1992. — №7.
 Школа русской культуры. — 1992. — №11.

«ЗАПИСКИ НЕДОВОЛЬНОГО»

- Белобородов В. Не рвите с корнем. — 1992. — №3.
 Горустович А. Возродимся ли из пепла? — 1992. — №2.
 Дроздов Е. Гнилой товар. — 1992. — №11.
 Журавлев Б. Униженность. — 1991. — №1.
 Клепиков В. Как говорится, «есть вопрос». — 1992. — №2.
 Чирков В. Пакостники. — 1992. — №4.

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Балин В. Восстановить права землепользования коренного населения. — 1992. — №8.
 Белоножка Ю. Из истории опытов свеклосеяния и сахароварения в Сибири. — 1992. — №9.
 Гаврилов М. Основатель и первый директор. — 1992. — №10.
 Зябин М.К. Прерванный полет. — 1992. — №1,2.
 Кентин И. Северный парк. — 1992. — №8.
 Коняев Н. Попьем ли завтра минералки? — 1992. — №11.
 Красила В. Ждать или создавать. — 1991. — №1.
 Луцкай Л. Земля наша вечная. — 1991. — №2.
 Луцкай Л. Моя маленькая Шапша. — 1992. — №5.
 Манац С. Что оставим в наследство? — 1992. — №6.
 Новиков В. Экологическая экспертиза строительных проектов нефтегазового комплекса. — 1992. №11, 12.
 Ходырев А. О живунах и не только о них... — 1992. — №7.

«НАШЕ БОГАТСТВО»

- Новиков В. Пушнина и охотничий промысел Югры. — 1992. — №1.
 Сапропель. — 1992. — №12.
 Чесноков Н. Ондатра. — 1992. — №11.
 Чесноков Н. Соболь. — 1992. — №9.

«ВЕК ДОЛОГ, ДА ЧАС ДОРОГ»

- Ерныхова Е. Заготовка, обработка и хранение бересты. — 1992. — №12.
 Кузнецов А. Ловля уток перевесом. — 1992. — №10.
 Кузнецов А. Отъезд на весновку. — 1992. — №9.
 Первов А. Благодатное лето. — 1992. — №1.
 Первов А. На сосвинских песках. — 1991. — №2.
 Приезд с весновки. — 1992. — №11.
 Пьянков К.С. Неводьба на Конде. — 1992. — №3.
 Рыба, которая пахнет теплом. — 1992. — №5.
 Рыткин В.М. Ловись, рыбка. — 1992. — №2.
 Рыткин В.М. Янтарная рыба. — 1992. — №6.
 Сазонов Г., Конькова А. Месяц летнего запора. — 1992. — №8.
 Тахтуева А.М. Приготовление чомыха и чипа. — 1992. — №7.

- Балин В. Город на Иртыше. — 1992. — №11.
 Белобородов В. Журналист-краевед Н.И.Ездаков. — 1991. — №1.
 Ездаков Н.И. «Всю тяжесть жизни трудно описать»: Письма. — 1991. — №1.
 Патрикеев Н. Первые полеты. 1992. — №1.
 Патрикеев Н. Первая культбаза. — 1992. — №7.
 Патрикеев Н. Первые шаги народного образования в округе (1931 — 1940 г. г.) — 1992. — №10.
 Патрикеев Н. Просвещение Югры (1920 — 1939 г. г.), — 1992. — №5.
 Петров И. Три центра. — 1992. — №10.

ИСТОРИЯ. АРХЕОЛОГИЯ.

- Азадовская Л.В. Крестьянин села Самарова. — 1992. — №9.
 Бабушкин П. Школа в Березове. — 1992. — №3.
 Белоножки Ю. Попытки земледельческого освоения Севера Тобольской губернии в XIX в. — 1992. — №3.
 Белоножки Ю. Священник и хлебороб. — 1992. — №11.
 Дудин-Горжавич А.А. Опытное сельско-хозяйственное дело на Тобольском Севере. — 1992. — №12.
 Елпатьевский С.Я. Очерки Сибири. Томск. — 1992. — №4.
 Кайдалов В. Чему нас учат декабристы: Заметки читателя. — 1992. — №1.
 Константинов В. Живучая библиотека. — 1992. — №1.
 Короленко В.Г. История юноши Швецова. — 1992. — №6.
 Косинская Л. Археологи ведут поиск: проблемы изучения каменного века. — 1992. — №8.
 Лопарев П.И. Автобиография. — 1991. — №1.
 Лопарев Х.М. Самарово. — 1992. — №9.
 «Описания о жизни и управлении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных инородцев. — 1992. — №3.
 Первов А. Березов, городок детства. — 1992. — №4.
 Прибыльский Ю.П. В поисках истины. — 1992. — №12.
 Прибыльский Ю.П. Сибиряки против Наполеона. — 1992. — №9.
 «Северные архивы». — 1992. — №4.
 Ситников П. Национальная школа. — 1992. — №7.
 Тахтуева А.М. Юганские воспоминания. — 1992. — №12.
 Тверитин И.Я. «... во мне крылось давнее желание открыть опыт хлебопашества». — 1992. — №11.
 Тимофеев Г.Н. Воин и исследователь Севера. — 1991. — №1.
 Тимофеев Г.Н. Сибирское областничество. — 1992. — №10.
 Тимофеев Г.Н. Крещение Югры. — 1991. — №2.
 Тобольские губернские ведомости, 1892. — 1992. — №10, 11, 12.
 Швецов С.П. Очерк Сургутского края. — 1992. — №5, 6.
 Ядринцев Н.М. К моей автобиографии. — 1992. — №10.

ЭТНОГРАФИЯ.

- Бахлыков П. История, быт, культура юганских ханты: (Краткое историческое повествование). — 1992. — №3, 4, 5, 6.
 Зенько А. Отношение к огню у обских угров. — 1991. — №1.
 Зенько А. Ялutorовская этнографическая группа коми-зырян. — 1992. — №12.
 Кузакова Е. Еара. — 1992. — №2.
 Кузакова Е. Игры мансийской деревни. — 1991. — №2.
 Кузакова Е. Чейметовы. — 1992. — №3.
 Лазарева В. «Куриный бог». — 1992. — №6.
 Лазарева В. Магический полс. — 1992. — №9.
 Молданова Т. Орнаментальное искусство народов ханты и манси. — 1992. — №1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.
 Носилов К. Вогульская школа. — 1992. — №2.
 Патрикеев Н.В. Первая олимпиада манси. — 1992. — №2.
 Плесовских В. Система религиозных представлений ханты и манси. — 1992. — №7, 8.

- Ромбандеева Е. Обряд, связанный с медвежьим праздником. — 1992. — №10, 11.
 Соколова З. У вождя длинная коса. — 1991. — №2.
 Сподина В. Деревянные глаза. — 1992. — №5.
 Сподина В. Как поставить чум. — 1991. — №1.
 Сурин С. Дом в представлениях шурышкарских хантов. — 1991. — №1.
 Тахтуева А.М. Кукла юганских ханты. — 1992. — №8.
 Федорова Н. Олень с реки детства. — 1991. — №1.

ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ.

- Костина Г. Книга нашей памяти. — 1991. — №2.
 Кузакова Е. Восточные манси. — 1992. — №7.
 Пьянков К. Война — тяжелая работа. — 1991. — №2.
 «Храни это письмо». — 1992. — №11.
 Грошева Е. Преждевременная экспедиция. — 1992. — №3, 4, 5, 6.
 Зольников Н. Живая вода: (Воспоминания, размышления, советы). — 1992. — №4.

«СИБИРСКИЕ СТРАНИЦЫ»

- Басаргин Н. Марья. — 1992. — №1.
 Бестужев-Марлинский А.А. «Сама природа указала...». — 1992. — №12.
 Бриген А.Ф. Из письма к Н.И.Лореру. — 1992. — №8.
 Гарин-Михайловский Н. Письма изыскателя. — 1992. — №2.
 Гончаров И.А. («Фрегат» «Паллада»). — 1992. — №5.
 Достоевский Ф. Первый месяц («Записки из Мертвого дома»). — 1992. — №3.
 Короленко В. Огоньки. — 1991. — №1.
 Кропоткин П.А. Записки революционера. — 1992. — №1.
 Мачтет Г.А. Мы победили. — 1992. — №9.
 Радищев А.Н. Слово о Ермаке. — 1992. — №10.
 Чехов А.П. Из Сибири. — 1992. — №7.

ФОЛЬКЛОР. ПОЭЗИЯ. ПРОЗА.

- Айпин Е. Золотая богиня дома. — 1991. — №1.
 Бахлыков П. Медвежья падь. — 1991. — №2.
 Беспалов В. Береги пока что есть: Стихи. — 1992. — №7.
 Волковец В. Стихи. — 1992. — №1.
 Вэлла Ю. Облака в нефти: Стихи. — 1991. — №2.
 Горустович А. На трассе «Аэропорт — промбаза». — 1992. — №9.
 Зябин М. Стихи. — 1992. — №8.
 Каскин Н. У родного Чугаса. — 1992. — №5, 6, 7, 8, 9, 10, 11.
 Козлов В. Стихи. — 1991. — №1. — 1992. — №3.
 Конькова А. Глухарь величиной с оленя: Сказка. — 1991. — №1.
 Конькова А. Слепой музыкант. — 1992. — №3.
 Коняев Н. Коршун; Фролыч и болтун: Рассказы. — 1992. — №4.
 Кошманова О. Митя-лямчик. — 1992. — №2.
 Кошманова О. Яльвиль. — 1992. — №8.
 Кузакова Е. А вот еще помн... — 1992. — №12.
 Лазарев Г. Девушка из тайги: Стихи. — 1992. — №11.
 Лазарев Г. Нела ранили: Рассказ. — 1992. — №11.
 «О нашей жизни». — 1992. — №4.
 Панкова А. Стихи. — 1992. — №12.
 Плесовских В. Стихи. — 1992. — №5.
 Пословицы и поговорки Тобольской губернии. — 1992. — №5, 6.
 Слинкина Г. Духовная моя наставница. — 1992. — №10.
 Слинкина Г., Чучелина Т. Как щука себе голову сделала: (Хантыйская сказка). — 1992. — №10.

- Тарханов А. Стихи. — 1992. — №4.
 Шабуров В. Из поэмы «Ангелы». — 1992. — №9.
 Шамсутдинов Н. Покоритель: стихи. — 1992. — №10.
 Шесталов Ю. «Духи»: Отрывок из поэмы. — 1992. — №6.
 Ядринцев Н.М. Соболь: Стихи. — 1992. — №10.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Говорите по-мансийски. — 1992. — №6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.
 Евсеев А. Тукман. — 1992. — №7.
 Заев А. Топономический словарь Югры. — 1992. — №12.

«КРУГ ЧТЕНИЯ».

- Издание, которого ждали. — 1992. — №2.
 Кожевникова С. В портфеле «Северного дома». — 1992. — №4.
 Кузакова Е. «О нашей жизни». — 1992. — №4.
 «Меня повела мечта». — 1991. — №2.
 Молданова Т., Молданов Т. В согласии с законами земли. — 1992. — №10.
 Надточий Ю. Порадуемся и позавидуем. — 1992. — №10.
 Окно в прошлое. — 1992. — №11.
 «Прочитал ваш журнал...»: (Читатели об «Югре»). — 1992. — №2.
 Пуртова Т. Историки Сибири. — 1992. — №5.
 Читатели об Югре. — 1992. — №10.
 Шевелова И. Из далеких времен дошедшие... — 1992. — №4.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

- Герасимов Ю. Как построить плот. — 1992. — №5.
 Герасимов Ю. Чепн. — 1992. — №6.
 Жданов В. Туалетный столик. — 1992. — №11.
 Как построить лодку. — 1992. — №4.
 Коломейцев А. Зимовье для картофеля. — 1992. — №2.
 Королев В. Самодеятельная охотничья палатка. — 1992. — №10.
 Патрикеев Н. Огурцы на окне. — 1991. — №1.
 Проскурин Ю. Гараж с погребом. — 1992. — №7.
 Проскурин Ю. Как устроить погреб. — 1992. — №8.
 Федоренко В. Хранится отменно. — 1992. — №3.
 Шепелев А. Дачная мастерская. — 1992. — №9.
 Эсге Л. Компактный верстак. — 1992. — №12.

ПРИРОДА. ПУТЕШЕСТВИЯ.

- Бардин Г. Открытие СП-31 и спасение китов. — 1992. — №2.
 Бардин Г. Под снегом Мирного: (Из антарктических дневников). — 1992. — №1.
 Гордеев Ю. Пернатые Югорского края. — 1992. — №5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.
 Гусаков Е. Вольному воля. — 1992. — №3.
 Заплатин М. Осень на Тапсуе. — 1991. — №1, 2; 1992. — №1.
 Заплатин М. Тапсватпауль: зимние дни. — 1992. — №9, 10, 11, 12.
 Канев Н. Кражу совершил... олень; В глухомани таежной. — 1991. — №1.
 Курс — на Архангельск: Из судового журнала яхты «Югория». — 1991. — №1, 2.
 Лапутин Б. «Югория» в Якутии. — 1992. — №7.
 Назаров В. Владыки... на помойке. — 1992. — №2.
 Назаров В. Рубиновые капли. — 1992. — №4.
 Патрикеев Н. Летящие адреса. — 1992. — №3.
 Патрикеев Н. Наедине с природой. — 1992. — №8.

Фото В. Назарова

Поправка

В десятом номере на стр. 29 допущена ошибка. Автор статьи «Богатыри средневековой Югры: эпос и археология» не Н. Ф. Федорова, как напечатано, а Н. В. Федорова. Приносим автору извинения.

ПІДКРИТІ